

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

В труде как в бою

**Воспоминания о Великой Отечественной войне
торопчан – участников трудового фронта**

По материалам издательского проекта
«Народная летопись»

Торопец
2024

Гружевская Регина Людвиговна

Жаркое лето 1941 года, город Великие Луки. 20 июня во всех школах города отшумел выпускной бал. 21 июня была массовая прогулка за город. Все веселые, счастливые, мечты, прощание с детством, а впереди широкая дорога в жизнь. Нам казалось, что она будет чистой и светлой.

Все перечеркнул страшный день 22 июня. Было воскресенье, с утра ничего не предвещало беды. Моя мама, медицинский работник, ушла на дежурство в больницу, но в 9 часов утра прибежала домой за документами, заявив, что ее срочно вызывают в Горвоенкомат. А в 12 часов 30 минут по радио передали речь Молотова. Люди толпами стояли на улицах под радиоустановками и понимали, что пришла большая всенародная беда. Некоторые сразу же направлялись в военкомат, раздавался женский и детский плач.

В то время, когда по радио звучала речь Молотова, моя мама уже стояла в строю, в мужском обмундировании, с санитарной сумкой через плечо. В этот же день их батальон отправился на запад. Мы жили рядом с площадью Ленина, и маме, проезжавшей с батальоном мимо, разрешили тормознуть машину, чтобы забежать во двор попрощаться. Так для меня началась война.

Мать воспитывала нас с братом одна - отца не стало, когда я еще училась во втором классе. Брата учился в Ленинграде на третьем курсе института, и студенты сразу же уходили в ополчение, а затем в армию. Я осталась одна с соседями. Мама только и успела передать мне записку с номером почтового ящика (адрес воинской части), это уже позднее всем воинским соединениям были присвоены номера полевой почты.

Все наши мальчики пошли добровольцами в армию. Забегая вперед скажу, что по официальной статистике из

100 выпускников 1941 года в живых осталось только 3 человека. Они попали в страшные жернова войны еще не подготовленными, а некоторые без оружия.

Все старшеклассники были комсомольцами, и великолукский Горком ВЛКСМ сразу же привлек нас к организации госпиталей, под которые были переоборудованы все школы и техникумы города. Наш класс работал в педагогическом техникуме возле городского стадиона. Раненые стали поступать очень быстро. Силенок у нас еще было мало, и за носилки с ранеными мы брались по четыре человека.

В первые месяцы фронт быстро катился на восток, и уже в июле бои загремели близко от Великих Лук. Город оказался прифронтовым, его стали бомбить. Особенно запомнилась бомбежка 2 июля, днем. Самолетов было много, на станции разбомбили эшелоны с боеприпасами, они начали рваться, и осколки летели очень далеко в город. Началась эвакуация важнейших промышленных предприятий и населения. О сроках и направлении отправки жителей оповещали заранее, было названо место – город Красный Холм Калининской области. Военская часть, где служила моя мама, с боями отступала через Великие Луки. 16 июля они были в городе, ехали за боеприпасами на артсклады в район аэропорта. Проезжая мимо нашего дома, подхватили и меня, подвезли на вокзал и буквально затолкнули в товарный вагон, битком заполненный людьми. Уже начался обстрел, и наш состав отправили ночью по Октябрьской железной дороге в сторону Торопца. А 17 июля немцам удалось занять часть Великих Лук. Город несколько раз переходил из рук в руки.

Эшелоны с эвакуированными шли очень медленно, так как дорога была однопутной. Чтобы пропустить без задержки эшелоны с воинскими грузами на запад, надо было растолкать на разъезды и запасные пути все встречные

поезда. Там, где можно в нормальных условиях доехать за несколько часов, мы ехали неделями. В дороге нас и обстреливали, и бомбили немецкие самолеты. Особенно досталось на станции Бологое. Это был и есть крупный железнодорожный узел, и все воинские эшелоны на северо-запад шли через него. Скопление составов было страшное, вперемешку стояли воинские и гражданские эшелоны. Когда налетела целая армада самолетов и начала бомбить – это был настоящий ад. Стали рваться эшелоны с боеприпасами. Люди не могли выбраться из вагонов, так как все пути были забиты составами.

Нас спасло то, что наш эшелон располагался на краю перед каким-то болотом.

Люди бежали через это болото и выскакивали на какую-то небольшую улочку рядом с озером. Началась бомбежка часа в 4 дня, рвалось и горело всю ночь. Утром стало потише, и нам сказали, что надо пешком пробираться на станцию Медведево, а оттуда будут отправлять дальше. Наша дорога в эвакуацию продолжалась.

В общей сложности ехали мы больше месяца. В больших городах, где проходили эшелоны с эвакуированными, были организованы пункты питания, так как у нас при себе ничего не было. Уже теперь не придерживались определенных направлений эвакуации, и мы решили выходить на той станции, где нас может принять эвакуопункт. После бомбежки в Бологое в вагоны набивался народ из разных городов и республик, но уже ни одного человека из Великих Лук за всю войну мне встретить не пришлось.

Было решено выходить на станции Рузаевка – это узловая станция на Горьковской железной дороге. Вскоре я оказалась в Саранске - центре Мордовской АССР. Эвакуированных прибыло очень много, на работу не устроиться, тем более, что мне не было еще 18 лет. Пошла в горком ВЛКСМ за помощью по трудоустройству, так как

жить мне было не на что. Связи с матерью никакой – где ее часть находится, на каком фронте, жива ли? Моего адреса тоже никто не знал...

Фронт требовал вооружения и боеприпасов. В это время в Саранске организуется военный завод №583 по их выпуску. Его работа начиналась с нуля, на базе одной из полукустарных фабрик по выпуску картона. Фабрика размещалась на окраине города и, таким образом, там была возможность строить цеха военного завода. Срочно стали подбирать кадры, отбор был строжайший. Меня порекомендовали от горкома ВЛКСМ, приняв во внимание мое затруднительное положение. А на квартиру меня приняла семья, в которой было пятеро детей, старшая девочка была мне ровесница. Очень добрые люди.

Начал свою работу наш завод с открытия сборочно-снаряжательного цеха.

В тесном помещении бывшей конторы мы начали осваивать азы этого сложнейшего дела. Молодежь была подобрана в основном грамотная, после 10 классов, с несколькими курсами институтов. Много было эвакуированных с Украины, Белоруссии, Прибалтики, со всех западных областей СССР. К нам привезли специалистов из Куйбышева (Самара), Молотова (Пермь), Пензы, которые должны были в скоростном порядке обучить нас работе по сборке артиллерийских снарядов. Организовали конвейер, к каждому специалисту подсаживали ученика. Так мы, ничего в этом производстве не смыслящие, учились у мастеров, а они, в свою очередь, для себя делали отбор – кто из нас лучше освоил данную операцию. Затем приступили к укомплектованию рабочих мест для самостоятельной работы. Когда очередь дошла до меня, то все специалисты дали мне очень хороший отзыв: девочка старательная, может работать на всех операциях по сборке изделия. Я была рекомендована на должность

бригадира, который в любой момент должен был заменить отсутствующего работника. Так с ноября 1941 года началась моя трудовая деятельность на военном заводе №583.

При нашем цехе еще был участок расснаряжения. Там разбирались привезенные со складов детонаторы, заменялись на новые отдельные детали предохранителей, изделие собиралось вновь и отправлялось на фронт. На ящиках упаковки ставилась яркая маркировка крупным шрифтом: «для долговременного хранения не пригодны, использовать немедленно». Но в то время фронт пожирал все.

Официально рабочий день был с 8 утра до 8 вечера, и вторая смена с 8 вечера до 8 утра. Выходных дней во время войны не было, была только пересменка. Положение на фронтах было очень тяжелым. Требовалось увеличить выпуск боеприпасов, но нас сдерживало отсутствие заводских цехов, ограниченные площади. К нам в цех часто приходили руководители республики, обкома ВКП(б), завода, зачитывали телеграммы: «Фронту нужны снаряды. Просим увеличить выпуск». Иногда они были за подписью И.В. Сталина. А это значило, что мы оставались на заводе на 24 часа. И никто не роптал, все понимали, что от нас зависит исход многих сражений.

К концу 1941 года здания новых цехов были построены, в них стали устанавливать сложнейшее оборудование для выпуска нового изделия – мины. Быстрее всех строили цех сборочно-снаряжательный, под ним было размещено бомбоубежище для всего завода. Наконец, нам объявили, что новую партию изделий мы начнем уже в новом цехе. Для подготовки к работе на новом месте туда отправили бригаду контролеров ОТК в количестве 12 человек, которая должна была приготовить к выпуску следующей партии капсули-детонаторы. Мы работали в ночную смену, и вот для завершения сборки нам не хватило капсулей. Мне пришлось

пойти за ними в новый цех к контролерам ОТК. Там была нормальная рабочая обстановка, мы с девочками немного поговорили о том, что опять наши войска оставили несколько городов, поплакали, ведь большинство из них тоже были эвакуированные. Но дело есть дело, я забрала ящики с капсулями и отправилась в старый пятый цех. Девочки предупредили, чтобы я шла очень медленно и аккуратно, так как ноша очень опасная. Предложили помощь в сопровождении, но я решила, что справлюсь сама. Благополучно доставив капсули, я отдала их в бригаду снаряжения.

...Прошло минут 10-15, и раздался страшной силы взрыв, из окон посыпались стекла. Мы решили, что это бомбят, и все бросились в бомбоубежище. Толпа людей пробежала через три цеха и выскочила под открытое небо. Новый пятый цех оказался полностью разворочен. Я замешкалась в старом цехе, так как стала накрывать ящики с капсулями, чтобы в них не попала штукатурка с потолка, так как это очень опасно (в них нам не разрешалось даже подуть струей воздуха, если видишь пыль, потому что это могло вызвать взрыв). Когда я вышла на лестницу, толпа наших рабочих уже неслась обратно в старый цех. Завод сразу же был оцеплен войсками, прибыло все руководство. Взрыв произошел в пятом часу ночи. На территорию завода подогнали несколько грузовых машин и осветили место взрыва. Разбирать завал по кирпичикам и обломкам пришлось работникам нашего цеха, так как там могли быть разбросаны капсули-детонаторы, а на вид их знали только мы. Было очень холодно, и мы на сорокаградусном морозе поднимали по обломку, передавали красноармейцу, стоящему за тобою, он передавал дальше до машины – кидать было нельзя. ...И наконец добрались до наших девочек. Они лежали недалеко друг от друга, разорванные на части. Опознавали их по обрывкам одежды, обуви,

волосам. У одной из девушек – Раи Гришкиной – были очень красивые длинные локоны. И вот эта красота тянула за собой битый кирпич, мусор... Но еще страшнее было то, что в нашем цехе работал ее братишка, который сразу заметил, что вытащили часть тела сестры. Он сразу же закричал: « Это наша Райка...» - и упал на нее, потеряв сознание.

Погибли все 12 девочек. Живых под обломками не было, и нас отпустили в старый цех греться. Все мы были в страшном потрясении, у всех был нервный срыв. Погибшие были очень молодые – от 18 до 24 лет. 24 года было мастеру ОТК Жене Прокофьевой – самой старшей из всех. Помню, незадолго до моего ухода Женя рассказывала, как странно, словно прощаясь, провожала ее вечером на работу мама...

Двое суток нас вообще не отпускали с завода. Установили, что диверсии не было, но было допущено нарушение техники безопасности. Руководители завода были арестованы и осуждены на большие сроки, но наказание всем было заменено отправкой на фронт.

Несмотря на наши переживания и шок через несколько дней мы снова приступили к работе в старом цехе, а через некоторое время опять отстроили разрушенный цех №5. Работали под девизом: «Все для фронта, все для победы над врагом!» С нашего завода в армию не призывали. Были добровольцы, просились на фронт, особенно кто получил похоронки. Но всем было отказано.

В Мордовии был и до войны Государственный университет, но в войну он не работал. Большинство студентов ушли в армию, остальные работали в народном хозяйстве. Пятиэтажный университетский корпус был взят под госпиталь. Еще одно пятиэтажное здание – недостроенное общежитие – было передано нашему заводу. Его достроили и заселили работниками завода и эвакуированными. Получила место в общежитии и я. Вместе со мной в комнате жили две девочки из Ленинграда. В

подвале дома была оборудована котельная, но там еще в начале зимы произошла авария, отопление отключилось. На заводе срочно были сделаны и установлены во все комнаты печки-«буржуйки», а трубы рукавами были выведены в окна. Но беда состояла еще и в том, что не было дров. В ту неделю, когда нам выпадала ночная смена, мы просили у местных жителей саночки и пилу и ехали в лес. Там по глубокому снегу мы собирали хворост, сухие бревнышки, спиливали высокие пни. Все это привозили домой, разделывали и так отапливались до самого конца войны. Электроэнергию в жилой сектор не давали, так как ее было недостаточно для промышленности. У нас всех были оборудованы коптилки. Лампа со стеклом считалась роскошью, ее еще надо где-то купить, да и столько керосина достать невозможно. А коптилки мы делали из пузырьков из-под одеколона, керосин тоже в пузырьках приносили с завода (в механических цехах детали после обработки промывали в керосине). На проходной это контролировали, но что делать, иначе вообще пришлось бы сидеть в темноте. Бывало и такое.

В 1943 году меня перевели на должность мастера межоперационного контроля, и я стала работать только в дневную смену – это официально. А получалось-то наоборот, иногда с завода не уходили по 36 и более часов. Особенно зимой – в цехе тепло, светло, занимаешься производственными делами, а еще больше общественными. Я была членом комитета комсомола завода и комсоргом нашего цеха. Ночами выпускали стенгазеты, готовили политинформации, было очень много разных общественных дел. Большинство комсомольцев принимали в них активное участие. Ходили в госпиталь помогать ухаживать за ранеными, писали письма тем, кто по характеру ранения не мог написать сам, организовывали концерты общие, а также в палатах для тяжелораненых. Проводили вечера в Красном

уголке завода, самодеятельных артистов хватало. Ведь мы же были молоденькие девчонки 18-20 лет... А остаться зимой ночевать в цехе, где очень тепло и не надо бежать в сорокаградусный мороз в свое холодное общежитие – это одно удовольствие. Ночью контора цеха не работает, составим стулья – и такое удобное ложе, 4-5 часов поспишь, и порядок!

В стране тогда была карточная система, на рынке цены на продукты очень высокие. Свою продуктовую карточку мы отдавали в заводскую столовую. Как рабочие военного завода мы получали повышенную норму хлеба – 600 г., правда, хлеб был клеклый и тяжелый. Один раз в сутки мы обедали – миска квашеной капусты, туда подливали немножко костного отвара. На второе – ложка жидкой каши из пшена, приправленного наперстком подсолнечного масла, и стакан чаю с сахарином. Ну и пайка хлеба. Все это уничтожалось тут же, и всегда хотелось есть. Зато летом наши мальчишки ходили на колхозное поле за турнепсом, это кормовая культура для скота - как нам казалось, овощ очень вкусный. Поле турнепса находилось сразу за нашим заводом. Ребята в обеденный перерыв набирали два-три мешка этого овоща, подтаскивали и с помощью веревок перекидывали через забор, а сами затем возвращались законным путем через проходную. Турнепс был уже в цехе, и начинался пир. Не бывало случая, чтобы кому-нибудь не досталось.

Всем было тяжело. Жили надеждой: вот кончится война, и жизнь будет налаживаться. На заводе мы все успели перезнакомиться, знали, кто из каких мест. Когда наша армия начала свое победное шествие, начала освобождать города, все радовались вместе с теми, чей родной город освобождали. А сколько радостных слез было пролито, когда наступила долгожданная Победа! В нашу комнату в 6 часов утра начали громко стучать с криком: «Девочки, вставайте,

Победа пришла!» В этот день в Саранске шел сильный, но очень теплый дождь. Никто не работал. Мы побежали к заводу, но через проходную не проходили, сразу громадной колонной двинули в центр города – со знаменами, транспарантами. На площади перед зданием обкома ВКПб шел непрерывный митинг, подходили новые колонны, уходить никто не хотел, а дождь все лил и лил. В народе говорили, что это земля слезами людскими омывается, теперь будет легче...

А на завтра все по местам. Завод продолжал работать в обычном режиме. Кое-кто в ближайшие недели делал попытки подать заявление на увольнение и отъезд на родину, но всем было отказано. Для нас это было непонятно. Мы еще не знали, что впереди была Япония. Мне удалось уволиться с завода в июле 1945 года по вызову из ЦК ВЛКСМ на восстановление родного города Великие Луки.

Вот такими тружениками тыла мы были. Всю войну, каждый день мы рисковали взлететь на воздух. Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков в своих мемуарах не даром говорил, что заслуга тружеников тыла в победе над фашизмом неопределима.

Медведева Мария Николаевна

Родилась я в крестьянской семье в 1927 году. Жили мы тогда на хуторе Осьё Западновинского района.

Мои родители были великие труженики и нас приучили не сидеть без дела. С самого раннего детства мне, как и всем в моей семье приходилось много трудиться. Вместе с отцом зимой заготавливали дрова, приносили из леса колоды для пачки, занимались огородом, пасли домашний скот.

На хуторе наша семья жила натуральным хозяйством: сеяли рожь, пшеницу, сажали лён. Собирали хороший урожай картошки и овощей, особенно большой вырастала

репа, любимое лакомство ребятишек. Из овощей делали заготовки: квасили капусту, солили огурцы.

Зерно мололи на жерновах - делали муку, из льняного семени выжимали масло. На хуторе у нас был прекрасный фруктовый сад, посаженный отцом. В хозяйстве имелась лошадь, корова, держали овец. Была и пасека, отец любил заниматься пчёлами. Однажды маму сильно укусили пчелы. Она вся распухла, и мы боялись, что она умрёт. Её принесли домой, опустили в подвал и обложили землей. Всё кончилось благополучно.

Я не любила слоняться без дела, всегда старалась помочь родителям в их нелёгком крестьянском труде. Помню как-то, мама долго просила отца снять деревянную кадку с чердака хлева, а ему всё было некогда. Тогда я решила сама её достать. Быстренько залезла на чердак, схватила кадушку, и в этот момент подо мной провалились прогнившие чердачные доски, и я со всего маха упала в хлев. А кадка так и осталась на чердаке, застряла в том проёме, через который я так быстро попала в навозную жижу.

Однажды мама жала серпом рожь в поле, а я принесла ей кого-то из своих младших братьев. Пока мама кормила ребёнка грудью, я решила поработать жницей и помочь маме. Схватила серп и через несколько мгновений полоснула себе по мизинцу левой руки. Разрез оказался широким, и был повреждён даже ноготь. Вылечила меня бабушка Дарья. В печурке у неё стояла настойка, сделанная на травах. Она смазывала этим снадобьем мою рану, и скоро всё зажило...

В школу я вместе с другими хуторскими детьми ходила за несколько километров в деревню Севостьяново...

Во время создания колхозов наша семья переехала в деревню Коротыша. Отец сам сделал к дому пристройку с отдельным входом, чтобы многочисленное семейство

смогло в нём разместиться. Мама работала в колхозе, отец несколько лет работал поваром в Западнодвинском военкомате. Перед войной я закончила 5 классов.

Когда началась война, отца сразу же в первые дни забрали в армию. Дома осталась бабушка, пятеро детей и мама, которая ждала ещё одного ребёнка.

С тревогой слушали мы сводки новостей, понимали, что фронт неумолимо приближается. По вечерам было видно зарево со стороны Старой Торопы. Это местные колхозники, чтобы ничего не досталось врагу, жгли то, что не успели вывезти.

Однажды над деревней пролетели три истребителя с фашистской свастикой. Что-то непонятное творилось на противоположном берегу реки Западная Двина: был слышен рёв моторов, какой-то непонятный гул. Прошёл слух, что немцы подошли к реке Западная Двина. Мы поняли, что и к нам пришла война.

Когда я с группой колхозников шла с работы на обед, к нам на лошади подъехал военный и спросил:

- Что за шум слышен за рекой?

- Это немцы. Ищут переправу.

- Сегодня же об этом будут знать в Москве! - И, пришпорив коня, он ускакал в сторону Западной Двины.

На следующий день в лесу вокруг нашей деревни было полно красноармейцев, появились зенитки, срочно подвозились снаряды. Именно этим солдатам пришлось вести тяжелейшие бои в районе деревень Брод и Севостьяново. Откуда до нас доносилась канонада, были слышны разрывы снарядов, взрывы, вой самолётов, рев танков. Было тревожно, мы понимали, что там идут ожесточённые бои, которые продолжались несколько недель. Наши войска с героической самоотверженностью сдерживали натиск противника, который имел превосходство и в людях, и в технике. Немецкая артиллерия

стреляла уже и в сторону Коротыши, правда, снаряды до деревни не долетали, и только один взорвался на улице в самом центре деревни, дома жителей при этом не пострадали. Жители деревни во время обстрела уходили на заброшенные хутора, а когда смолкали взрывы снарядов, возвращались домой.

Вскоре на дороге из Брода стали появляться отступающие красноармейцы, изнурённые непрерывными боями, останавливались на короткий отдых, перевязывали раненых. Мы как могли, старались им помочь, делились скудными припасами.

У одного из них, совсем молоденького солдата, бабушка Дарья спросила:

- Сыночек, скажи, что же там происходит, ведь уже столько времени идут бои?

И он ответил:

- Мамаша, мы поднимаемся в атаку, а с высоты нас косят огнём немецкие пулемёты и миномёты. И в атаку через Двину мы идём по людям, столько народу уже погибло. В реке уже не вода течёт, а кровь людская.

Отступающих с каждым днём становилось всё больше и больше. Однажды большой отряд наших солдат пытался добраться до леса, чтобы выйти на большак, который вёл в Старую Торопу. В это время в небе появились немецкие самолеты-бомбардировщики и несколько истребителей. Это был настоящий ад! Погибли все – и те, кто уже укрылся в лесу и те, кто оставался в открытом поле. Всё было смешано с землёй, с обломками деревьев, с останками человеческих тел.

Перед отступлением наши взорвали склады с неиспользованными боеприпасами. Последними, перед приходом немцев в Коротышу, со стороны Брода в сторону леса пробежало несколько военных в плащ-палатках.

Через день в деревне появилось немецкие велосипедисты. Наверное, это были разведчики, потому что вскоре после них в деревню пришли немцы.

Нас выселили из дома, организовав в нем медицинский склад. А сами стали хозяйничать в доме и на участке. Сразу же пошли на пасеку, подожгли ульи, чтобы улетевшие пчёлы не мешали им собирать мёд.

Мы вынуждены были уйти жить к родственникам.

У нас же перед уходом забрали корову - нашу кормилицу. Для нас это было настоящим горем! Каково же было наше удивление и радость, когда к вечеру она вернулась домой. Вероятно, сумела отвязаться и ушла. А может, извергам было не до коровы, ведь под Западной Двиной шли тяжёлые бои.

А мы ещё долгое время, когда пасли скот, находили на полях, в лесу наших погибших солдат. Старались всех похоронить, установив на могилах примитивные крестики. К, сожалению, не догадывались, что в карманах гимнастёрок находились медальоны с их фамилиями и домашним адресом. Поэтому все они остались безымянными.

Во время оккупации немцы появлялись в деревне редко. Но мы постоянно слышали о зверствах фашистов в других населённых пунктах.

Хорошо помню, как немцы отступали. Шли фрицы быстро, нигде особенно не задерживаясь. И в этот раз в нашем доме поселись немцы. Один из них заставил меня распиливать пилой двухручкой замороженную тушу коровы, которую они привезли с собой.

Ночевать мы с братьями и сестрами опять ушли к родственникам. Дома осталась мама с грудной сестрёнкой Нюрой, которая родилась уже во время войны, и сестрой отца тётёй Любой. Спали они на печке, Нюра с вечера капризничала, долго плакала. И тетя Люба, опасаясь, что их всех могут расстрелять, из-за того, что ребёнок мешает

спать, посоветовала маме дать малышке немного самогонки, чтобы та заснула. Ночь прошла спокойно. А утром, когда мама доила корову, в хлев заглянул немецкий солдат и руками изобразил, как качают ребенка, намекая на, то, что ночью им мешали спать.

Деревню немцы покинули быстро, побросав награбленное добро.

А утром в деревне появились наши! Зима 1942 годы выдалась снежной и морозной и первыми в деревню вошли лыжники. Мы встречали их как родных, ведь пришли наши освободители! Радости не было предела, от счастья все плакали, обнимали красноармейцев, как самых близких людей. Мы не знали куда посадить и чем угостить дорогих гостей.

Война продолжалась, стране требовались боеприпасы, и в августе 1942 года молодёжь в возрасте 14-15 лет из нашего и соседних районов Калининской области мобилизовали на работу в Сибирь. Прощание с семьей было тяжелым. Дома оставалась мама, на руках которой было пятеро детей, младшей, Нюре еще не было года.

Погрузили нас в товарные вагоны, приспособленные для перевозки людей. Ехали долго, 20 суток. За всё время дороги в Сибирь на больших станциях нас несколько раз кормили. Домашняя еда, собранная мамой из скудных припасов мне в дорогу (алюминиевый котелочек с творогом, и немного сухарей), быстро закончилась. А есть хотелось. Иногда на стоянках поезда мы просили у людей, собиравших на полях капусту, самые нижние, остававшиеся на поле зеленые листья, из которых варили себе похлёбку, казавшуюся, нам, голодным подросткам, удивительно вкусной.

В Новосибирске нас распределили по заводам. Я попала на завод № 677, который находился на станции Кривощёково. 13 августа 1942 года я была зачислена в цех

№9 на должность сборщицы. Мы делали мины для фронта. Но сначала нас отправили в санпропускник, а затем поселили в бараках, в которых раньше держали заключённых. Спать приходилось на нарах, в такие условия мы жили около месяца, а потом нас поселили в общежитие. В нашей комнате жило 12 девушек.

К работе на заводе мы приступили на следующий день после прибытия. Я работала в цехе на конвейере. Нам поступали готовые детали для мин, уже начинённые взрывчаткой. Мы эти головки смазывали, заворачивали в пергамент и складывали по 20 штук в алюминиевые банки. Дальше эти детали поступали на конвейер, где работали мужчины, которые эти банки закрывали и складывали в ящики. На ящиках они же с помощью трафаретов делали надписи, и снаряды отгружали на железнодорожную станцию, откуда они уже отправлялись на фронт.

Завод был огромный, занимал несколько гектаров. Работа была опасной, время от времени то в одном, то в другом цехе случались взрывы.

Работали мы посменно: две недели в первую смену, две недели во вторую. Смена длилась 12 часов, один час давался на перерыв. За это время мы успевали быстро съесть полагавшийся нам скудный обед и подремать, положив голову на конвейер. За 3 года работы на заводе у нас не было ни одного выходного. А когда переходили с одной смены на другую – работали почти сутки: 2 часовых перерыва на обед и 22 часа непрерывной работы на конвейере.

Еды, которую нам выдавали, не хватало, есть хотелось постоянно. И ещё хотелось спать. Поэтому мы с подругой договорились на ранний завтрак ходить по очереди. Например, один день иду я, съедаю полагавшуюся мне ложку каши, выпиваю чай подруги и свой, а ей приношу её порцию каши и кусочек хлеба. А на следующее утро

завтракать уходит подруга, а я имею возможность поспать подольше. Так как часов ни у кого из нас не было, иногда, особенно зимой, когда было совершенно непонятно, сколько времени, мы приходили в столовую затемно, когда ещё никого не было, и сторож отправлял нас обратно.

Из дома пришло сообщение о трагической гибели моего брата Лёни. Вместе с ребятами он нашёл в лесу неразорвавшиеся гранаты. Одна из них взорвалась, погибло несколько мальчишек. Моему брату оторвало руку и ногу. Оказать ему квалифицированную медицинскую помощь было некому, и через несколько часов он скончался.

А вскоре с фронта вернулся отец. Он был ранен в руку и его отправили домой на лечение.

Когда в Сибирь пришла весть о долгожданной Победе, нашей радости не было предела. Мы плакали от счастья, что наконец-то закончилась эта проклятая война, что скоро увидимся со своими родными, с которыми мы так долго были в разлуке.

После окончания войны мы собрались ехать домой, но нас не отпустили.

В июле 1945 года нас перевели на завод «Труд» и сначала отправили на работу в подсобное хозяйство. Мы занимались огородом, заготавливали сено, собирали урожай. А в декабре я была зачислена на должность кладовщицы на склад готовой продукции на этом же заводе. Сначала хотели направить меня на учёбу, чтобы я получила профессию токаря. Но, оказалось, что моих 5 классов, которые я закончила перед войной, было недостаточно, чтобы овладеть этой профессией. Когда не было работы на складе, я уходила в бухгалтерию и помогала её сотрудникам, которые обучали меня азам этой профессии. Работа в бухгалтерии мне понравилась, и это определило выбор моей будущей профессии.

На заводе «Труд» нам стали выплачивать небольшую зарплату, и жить стало легче. Теперь мы могли покупать еду на рынке. Хорошо помню, как у рыночных торговек мы покупали зимой замороженное молоко. Оно продавалась такими кругляшами в форме миски, в которой замораживалось. Приносили его домой, клали в кастрюльку и, разморозив, с удовольствием пили.

Уже шёл 1946 год, война давно закончилась, но домой нас всё ещё не отпускали. А домой хотелось очень, хотелось увидеть родных и близких, помочь им в это тяжёлое послевоенное время. Вскоре на завод пришло письмо, в котором просили отпустить меня домой, так как моя семья была многодетной, и без меня им приходилось туго. На заводе вошли в моё положение, и в июне 1946 года по семейным обстоятельствам я была уволена с завода «Труд».

Вместе со мной уезжали ещё 2 девушки из Западнодвинского района. На вокзале купили билеты, но как оказалось, на них не был указан номер вагона, и в поезд нас не пустили. Тогда мы устроились на площадке между вагонами и какое-то время так и ехали, хотя было очень страшно. А потом вдруг открылась дверь тамбура, в котором ехали какие-то военные, возвращавшиеся с Дальнего Востока, и один из них спросил, почему мы едем таким странным образом. Узнав про нашу беду, обещали помочь, и действительно, они договорились с проводницей, заплатили ей за нас и, когда в Омске они перешли в купе, проводница пустила нас в коридор вагона. Мы расположились напротив купе, которое занимали наши спасители. Так и ехали до самой Москвы. Иногда, когда они не спали, мы могли посидеть на полках в их купе, а ночь опять сидели в коридоре. Всю дорогу они нас подкармливали.

Однажды один из них открыл чемодан, и мы с девчонками увидели, что он весь забит пачками денег. У нас же денег не было ни копейки. В один из дней, возвращаясь из туалета, я нечаянно подцепила ногой какую-то скомканную бумажку, валявшуюся на полу коридора. Подняла её и увидела, что это были деньги. Я поняла, что их потеряли наши попутчики. Вернувшись в туалет, я пересчитала деньги – ровно 200 рублей. За всю свою сознательную жизнь я никогда не брала чужого, родители воспитывали нас честными людьми. Но в данной ситуации, я, не раздумывая, спрятала эти деньги в лифчик, так как понимала – эти деньги наше спасение. И хотя мы были очень благодарны нашим попутчикам за помощь, и, конечно же, я должна была отдать им эти деньги, но... Денег у них и так было много - решила я, а нам, не имеющим ни копейки, они могли пригодиться.

Наконец-то мы добрались до Москвы. Надо было перебираться на Рижский вокзал. Мы, деревенские девчонки, впервые оказались в таком большом городе, и, конечно, растерялись. И опять нам на выручку пришли наши попутчики. Один из них довез нас до Рижского вокзала. И здесь оказалось, чтобы добраться до дома, нам нужно доплатить за билеты на троих 180 рублей. Вот и пригодились посланные нам Богом и найденные мною в коридоре вагона 200 рублей.

Вскоре я была дома. За время моего отсутствия подросли младшие братья и сёстры, я их с трудом узнала. И они смущенно поглядывали на незнакомую девушку.

Жизнь после войны в деревне была трудной. И нашей большой семье часто приходилось перебиваться с хлеба на воду. Но никакие трудности меня не пугали, ведь я была дома вместе со своими родными. И впереди была вся жизнь.

Васильева Е.

Школу окончила я в 1941 году. Был выпускной вечер, были смех, веселье. Одноклассники делились сокровенными мыслями, строили планы на будущее. Мы стояли на пороге большой жизни, и от ожидания чего-то нового, необычного нам было радостно и немного тревожно.

Свои планы были и у меня. Очень хотелось учиться в медицинском институте. Однако мои намерения круто изменила война. Она пришла внезапно, и горе чёрным крылом захлестнуло советский народ. Тяжёлые, кованные сапоги фашистов топтали нашу землю. С горечью слушали мы тогда сводки Совинформбюро. Сообщение о каждом захваченном оккупантами городе отдавалось в сердце болью.

Пришли немцы и в Торопец. Во время оккупации я находилась в деревне Ляпуново. Трудное было время, но мы ни на минуту не теряли надежду на скорое освобождение. И советские солдаты вернулись на торопецкую землю.

После освобождения мне предложили возглавить полеводческую бригаду в колхозе «Красный ручей». Около года занимала эту должность. А потом (это был уже 43-й) мне вручили повестку из райвоенкомата. И я надела солдатскую шинель...

Воевать довелось в роте связи. Была телефонисткой. И свою специальность считала важной, необходимой.

Перед нашей ротой стояла задача обеспечивать бесперебойную связь между подразделениями. Каждый из нас понимал, что успех боя во многом зависит от чёткого исполнения команд, от взаимодействия подразделения. И мы старались сделать всё, чтобы связь была постоянной.

Помнится, держал наш корпус оборону в Латвии. Готовилось наступление. И вот был отдан приказ разведроте произвести разведку боем и захватить в плен «языка». Это

случилось в моё дежурство. Находясь в окопе, я обеспечивала связь между ротой и командным пунктом. Операция прошла успешно. Всех, кто принял участие в ней, представили к наградам. Я получила медаль «За отвагу».

Наша часть прошла с боями по Прибалтике, Польше. Войну закончила в Берлине. Здесь мне вручили орден Красной Звезды.

Очень хорошо запомнился День Победы. В ночь на 9 мая я дежурила. Уже под утро слышу по телефону: «Победа!» Сколько радости было! Да разве найдутся слова, чтобы выразить чувство, которое вызвало у меня в те минуты — это короткое слово.

Сейчас работаю в магазине районного объединения «Сельхозтехники». У меня два сына. Один из них – капитан военно-воздушных сил СССР, другой проходит действительную службу в рядах Советской армии. В день Победы они каждый раз поздравляют меня и отца – тоже участника Великой Отечественной войны.

Иванов Николай Иванович

Родился я в морозный декабрьский день 1926 года. В честь Николы зимнего меня называли Николаем...

Жили мы в это время на хуторе Дубровка, Торопецкого уезда Псковской губернии. Нашу семью, а она была большой (семеро детей, родители и трое стариков), так и называли «дубровские». Для большой семьи и хозяйство надо большое: держали мы три коровы, две лошади, другой скот...

Но жить в колхозе по-прежнему было не вмоготу. Мой отец – отличный плотник, столяр, резчик по дереву был нужен везде. И вскоре он нашёл работу в городе Торопце. Директор небольшого завода, оценив трудолюбие моего отца и его

востребованные профессии, помог получить ему паспорт и выйти из колхоза.

Вскоре мы всей семьёй переехали в Торопец...Я помню этот переезд, ведь мне было уже 7 лет. Запомнился зимний вечер, скрип полозьев саней. Помню себя, сидящего в большой бочке из-под капусты, куда меня поместили вместе с какими-то пожитками. Мне было тепло и тревожно в ожидании новой, неизведанной городской жизни.

Некоторое время семья уютилась в небольшой комнатухе на частной квартире, но уже в 1935 году мы переехали в новый, руками отца построенный дом.

Быстро летели довоенные школьные годы. Жизнь страны была насыщена выдающимися событиями, которые волновали и молодёжь. Это было время героических подвигов лётчиков, дрейф Папанина в Ледовитом океане, покорение высот на воздушных шарах, Днепрогэс, пуск новых заводов, строительство новых городов. Запомнился конец 30-х годов: события в Испании и финская кампания.

К началу Великой Отечественной войны я окончил 7 классов. В районной газете «Октябрь» уже были опубликованы мои первые стихи. В школе я был ответственным за оформление стенгазеты, в которой были мои рисунки. Уже был намечен дальнейший путь учёбы: Литературный институт им. Горького.

Перед самым началом войны, мать как-то сказала:

- Хватит тебе, сынок, летом наниматься в пастухи, будешь отдыхать, как и все дети.

Но отдыхать не пришлось. Началась война. Фашистские войска подходили к городу.

Отца в армию не взяли по возрасту. Мы пытались эвакуироваться, уйти из города. Взяли с собой корову, это был наш источник питания. По дороге шла колонна

гражданского населения и наши войска в сторону Осташкова, где они занимали оборону и дальше фашистов не пустили.

На одном из переходов на полуторке, грузовой машине, вдруг встает капитан и кричит: «Мальчик, лови, это тебе». И бросил к моим ногам пакет. Я сначала растерялся, но папа сказал: «Тебе же бросили, значит, бери». В пакете оказалось все то, что мне было крайне необходимо: акварельные краски, колонковые кисти, альбомы, карандаши... Судьба, наверное, ... Я на каждой остановке вынимал альбом и писал. Когда же пришли в одну заброшенную деревню, в избе, где мы остановились, устроил выставку. Работ двадцать развесил по стенам, в основном пейзажей. Что еще можно было написать утром или вечером, когда устраивались на отдых?

Потом пришли наши солдаты и прямо под домом стали рыть траншею. Готовились к боям, но неожиданно ушли, на прощанье сказав: «Живите, а ты пиши свои картины, станешь художником. Мы тебя найдем потом, после войны...».

Только они ушли, через какое - то время в село ворвались немецкие танки. Вошла эсесовская дивизия, в черной форме и черных пилотках, а на них - череп и две кости. К нам в избу двое заглянули. Один сразу у матери отобрал все съестное, другой стал разглядывать мои картины. Рукой провел в их сторону: «Зер гут!» – только и сказал.

Вскоре мы вернулись в захваченный немцами, загаженный Торопец, переполненный советскими военнопленными. В городе был огромный лагерь и огромный ров, куда сбрасывали каждый день десятки наших, уже неживых солдат – без имен и без фамилий. Никто это не учитывал. Почему я знаю? Потому что мы с матерью ходили туда, хотели подкормить военнопленных. Но один немец так

исхлестал ее резиновой дубинкой... А из-за проволоки доносилось: «Мама, есть хочу. Дайте хоть что-нибудь».

Оккупация длилась недолго, и в январе 1942 года вместе с Красной армией пришло освобождение. Фашисты оставили на улицах сотни автомашин, орудия, склады продовольствия и вооружения. Они оставили после себя виселицу на главной площади города, коробки сгоревших домов и голодную зиму.

В одном из трофейных автобусов я нашел нотную бумагу и стал на ней писать стихи. Кстати, эта бумага у меня со стихами сохранилась до сих пор.

Среднюю школу №1, в которой я учился, фашисты превратили в конюшню. В классах стояли лошади. Книги, глобусы, географические карты были выброшены на мусорную свалку.

А так хотелось учиться! Школы в городе открылись позже. Я пошёл работать, направился в село Пятницкое, где до войны располагалась Скворцовская МТС. Прошёл краткосрочные курсы и в неполные шестнадцать лет стал трактористом. Трудился на стареньком ХТЗ, работавшем на керосине. Когда его не было, завезли бочку скипидара и снова гудел мотор. К вечеру его разбирали, очищали от смолы, собирали и опять в борозду.

В Скворцовской МТС работал будущий писатель-публицист, тогда юноша, восемнадцатилетний Ваня Васильев. Его сюда на должность помощника начальника политотдела направил Калининский обком комсомола.

С питанием было плохо. Добывали, что могли: пекли картофельные оладьи, варили крапиву и свекольную ботву. И хотя скоро открыли столовую, наше меню оставалось прежним.

Спали мы беспокойно, по ночам над деревней гудели немецкие самолёты, ведь фронт был рядом.

В мае 1943 года в связи с восстановлением Торопецкой МТС, я перевёлся туда. И снова на поля бедных, разграбленных фашистами колхозов.

На войну я ушел осенью 1943 года, когда мне еще не исполнилось и семнадцати лет. Тогда призывали 1926 год, не важно, в каком месяце ты родился. Нас привезли в Чувашскую АССР в запасной полк, где поучили полтора месяца и отправили на фронт в составе 41-й гвардейской прославленной стрелковой дивизии в качестве дальнобойщика.

Затем я закончил при дивизии курсы снайперов.

Но воевал с автоматом. Прошел Молдавию, Румынию, Венгрию, Югославию...

У меня много стихов о войне. Моя поэзия - это малая толика в бескрайнем поле стихов периода войны... и послевоенных раздумий о ней. Важен итог войны - Победа. О ней я говорю словами из своего стихотворения «Путь».

*«Но Победа оставила вехи
На военном пути наших рот.
Миллионы остались навеки
Под березами у высот».*

Виноградова Алевтина Петровна

Войну я встретила пятнадцатилетней девочкой. Был красивый солнечный день. Ничего не предвещало беды. Вдруг в 12 часов дня по радио объявили, что началась война. На улице возле здания исполкома Райсовета собралось много мужчин, где их сразу оформляли и отправляли на фронт. Женщины голосили, провожая своих близких. Мобилизация шла круглые сутки.

Через несколько дней появились первые беженцы с детьми и узелками. Нам не верилось, что такое может произойти с нами. Ночью слышался гул наших танкеток и

другой военной техники, отправляющейся на встречу с врагом. В небе кружили немецкие самолёты-разведчики.

28 июля 1941 года немцы подошли близко к Плоскоши. Трещали пулемёты. Солдаты просили нас, чтобы мы ушли в лес, подальше от посёлка. Вечером, часов в 12 (было уже темно), мы отправились в деревню Красноселье, где пробыли 2 часа. Во вторую ночь посёлок горел. Наш дом тоже сгорел. Затем ополченцы сказали нам, чтобы мы уезжали. Собралось 10 подвод с семьями и детьми. Так мы отправились просёлочными дорогами до Калинина. По дороге часто бросали свои повозки и прятались от немецких самолётов.

В Калинине отец сдал документы и отправился назад. Он был зачислен в ополчение. Мы с мамой, двумя братьями и сестрой отправились в деревню Сырцевно Бежецкого района, там и остановились. Несколько раз немцы бомбили, но бомбы падали рядом, в деревню не попадали. Очень боязно было ждать ночи, так как ночью всегда летали немецкие самолёты, бомбили Бежецк и часто бомбили деревню.

У мамы было четверо детей, самому младшему – 4 месяца. Я – самая старшая. Было очень голодно, есть нечего. Я ходила по деревням и собиралась, кто что подаст: кусочек хлеба, несколько картошин. Было холодно, мела метель (леса там не было). Одежды тёплой не было, но надо было идти, чтобы не умереть с голода. Вспоминать об этом очень тяжело.

Летом и зимой я работала в колхозе, как мужчина. Научилась пахать, боронить, косить. Работать на лошади, возить в Бежецк сено, зерно, картофель, лён. Всё для фронта. На трудодни давали немного зерна. Мама размалывала и варила нам кашу. Вот так и жили, пока в декабре 1944 года не приехали в Плоскошь, где было очень голодно.

Кольцова Тамара Сергеевна

Родилась я в 1932 году в деревне Пестряково Плоскошского района.

О войне мы узнали по радио с наушниками, которое было у папы. Но люди не поверили, говоря: «Сергей Григорьевич от Машкиного хлева (там стояла антенна) узнал о войне. Но, к сожалению, пришлось поверить, потому что война началась, а в августе 1941 года мы уже были на оккупированной территории. Не работали сельсовет, школа, медпункт, колхоз.

В нашей деревне Пестряково немцев постоянно не было. Проехал один немец, потом разведка из 4-х человек верхом на лошадях, и наведалься с ночлегом хозяйственный отряд (70-72 человека), собравший кур, гусей. Наведывался к нам в деревню отряд полицейских из Великих Лук. Они искали партизан.

А партизаны, действительно, почти постоянно находились в деревне (Машков, Николаев, Щербакова и др.). Помню, как активно действовали полицаи, производя обыск у нас. Один «работал» в сарае, двое в доме и коридоре, и один на чердаке. Мы должны были оставаться на месте. Особенно усердствовал один (запомнился по вставленным блестящим зубам). Увидел на комодке газету с портретом Сталина, схватил со злорадством: «Вот что у них!» Другой остановил, говоря, что это старая газета. Обещали полицаи вскоре приехать ещё и, если жители не выдадут партизан, спалить деревню. Желających выдать партизан, думаю, не было. Мне мама говорила так: «Если будут спрашивать о партизанах, скажи, что слышала о цыганах, евреях, а кто такие партизаны, не слышала и не знаешь».

Свою угрозу спалить деревню полицаи осуществить не успели: пришли наши. А в тот приезд, как стало вечереть,

заспешили, говоря, что пора уносить ноги (боялись партизан). Уезжая, забрали с собой мужчин (пожилых) и 4 красноармейца, которые, попав в окружение, жили в деревне, ожидая прихода своих. Местных потом с дороги отпустили, а красноармейцев увезли. По слухам, их казнили, обливая водой и замораживая, где-то в районе Назимова.

Хочу сказать ещё о том, как мы боялись бомбёжки. Звук немецкого самолёта (с каким-то завыванием) отличался от звуков наших самолётов, и мы всегда его узнавали. Окна вечером всегда наглухо занавешивали, даже были сплетены соломенные маты, закрывали ставнями, при звуке самолёта коптилку или лампу прятали в печку, закрывая заслонкой. Несколько бомб было сброшено в нашей деревне, но они не взорвались, а ещё сбрасывали листовки.

Страшно, трудно было, но никогда не было мысли, что немцы победят. Тогда я даже сочинила частушку, наивную, не очень складную, но по существу:

«Проклятые фашисты, кончайте воевать. Вот прогонят вас отсюда, будет стыдно глаз продрать».

Запомнилась та всеобщая радость, когда пришли солдаты с красными звёздочками на шапках-ушанках, уставшие, полуголодные, но такие родные, желанные. Спасители! И ничего, что их было много, спали вповалку, так что и пройти было негде. Это были свои. А потом было много эвакуированных со стороны Холма, Великих Лук. В нашем доме, например, жила семья из 6 человек из Попланов и работники Локнянского райвоенкомата. Было многолюдно, тесно, но жили дружно.

А ещё вспоминается война тем, что было много людей, потерявших всё и просящих милостыню, а и подавать-то было нечего.

Наш район освободили в январе 1942 года, а в феврале (20) начала работать школа. Я пошла учиться во 2-й класс. В нашем классе было 8 учеников (многие не пошли, потому

что мало времени оставалось до конца учебного года), все перешли в 3-й класс.

В 1942 году похоронка пришла в наш дом. Не стоит говорить, что это значит. Война – это горе, потери, лишения и самоотверженный труд, труд всех от малого до старого. А женщины! Вот ряды разостланной на гумне ржи и женщины с цепями, выбивающие зерно. «То-то-ты, то-то-ты». Косили, сушили, метали сено (вручную всё), возили на быках. Жали серпами, копали землю лопатами по норме (4 сотки в день). Носили зерно на себе пешком из Торопца, ремонтировали дороги, рыли окопы и т.д.

Моя мама работала в колхозе и техничкой в школе (там хоть и очень мало, но платили зарплату). Так вот она вставала в 2 часа ночи, шла топить печки, дрова были сырые, какие придётся, потом топила наспех дома и шла на колхозную работу. А там нормы, тяжести, одни упрямые быки чего стоили, на них возили сено. Дрова в школе технички пилили и кололи сами. У нас совсем затупилась пила, один старик поточил, но лучше не стало. Так мама вначале колола вдоль, потом перерубала поленья. Полы, конечно, были не выкрашены. В субботу мы с мамой мыли их вечером, холодно, ноги примерзают. А как обрабатывали усадьбу. Копали лопатами в основном вечером, потому что в колхозе день не нормирован, работа от тёмного до тёмного. Сажали картошку «на себе», то есть впрягались несколько женщин в соху и наезжали борозды.

А как сложно было содержать свою кормилицу, корову. Сенокоса не выделяли, косить, пока не накошено в колхозе, не разрешали, так что коровы еле вставали. Приходит мама из хлева, первый вопрос: «Встала корова?» В сырзавод государству надо было сдать 300 литров и законтрактовать телёнка.

О детях. О них очень хорошо сказал Р. Рождественский: «У нас и детства не было отдельно, а были вместе детство

и война». Горе, страх, лишения, голод, холод, бедность, тяжёлый труд – всё это знают не понаслышке дети войны. В школе холодно, нет учебников, тетрадей, чернил, мела. Чернила делали из сажи, свёклы, чернильницы – пузырьёк, в котором чернила замерзают за ночь. Чуть неосторожно обмакнёшь пёрышко в пузырьёке, он опрокинется, чернила выльются. Писали на старых газетах, книгах.

Из деревень (за 5-7 км) полуголодные ребятишки в любую погоду шли пешком. Хорошо, что в школе технички варили суп из воды и картошки, но он был вкусен, и ели его с удовольствием. А дрова иногда приходилось приносить из лесу. Так учились.

А ещё работали. У нас, например, на двери колхозной конюшни висел список ребятни, по которому, соблюдая очередь, мы пасли телят, овец, свиней.

Трудной была работа со льном: теребили, убирали с полей, молотили. Ото льна руки болели, трескалась кожа, были занозы. Молотили мы так: утром, до начала рабочего дня, шли на гумно, сбрасывали с риги снопы и выбивали зерно прайниками. На риге душно, пыльно, руки устают. А вечером надо «насадить на ригу», то есть наставить снопы, чтобы они просохли за ночь. Помогали (крутили веялку) веять, сортировать зерно. Я помню, как водила лошадь при окучивании картошки на колхозном поле.

А ещё вспоминаю, как мы с дедом Архипом сеяли рожь. Он, перекинув через плечо ремень севалки, держа её перед собой, разбрасывал зерно, а я «отходила от семян», то есть шла так, чтобы было видно, где зерно засеяно. Приходилось мне бывать в ночном, потому что лошадей (какие были) пасли ночью по очереди семьями, а в нашей семье было нас двое, вот мы с мамой и пасли.

9 мая. Помню, как через разлившуюся реку Кунью кричали людям на противоположном берегу, что закончилась война. Победа! Да, это был «праздник со

слезами на глазах». Спасибо маме, она умела успокоить, найти нужные слова, хотя мы вместе плакали от радости и горя: кончилась война, но мы никогда не дождёмся дорогого нам человека, мужа и отца.

Не дождалось многие. Теперь в центре деревни Пестряково в 2 ряда, словно солдаты в строю, стоят памятные плиты с фамилиями тех, кто ушёл и не вернулся. На одной из них фамилия моего отца Покровского Сергея Григорьевича.

«Ах, война, что ты сделала, подлая!»

Так и хочется сказать всем людям словами песни: «Люди мира, будьте зорче втрое, берегите мир!»

Семёнов Александр Сергеевич

Родился в 1933 году в деревне Монастырёво Холмского района Западной области.

С 1 января 1935 года наша деревня оказалась в составе Калининской области Плоскошского района Жидулинского сельсовета.

В 1941 году я окончил 1-й класс Монастырёвской начальной школы. После начала Великой Отечественной войны большинство мужчин нашей деревни были призваны в армию.

В конце июля 1941 года через деревню проходили разрозненные группы бойцов Красной армии, отступающих под натиском немецкой армии. Перед вечером 28 июля 1941 года мы слышали гул движущейся техники по большаку из Локни. Это были немецкие войска. Вскоре появилась конная разведка немцев. Они на лошадях проскакали вдоль деревни, подъехали к группе женщин и детей, которые собрались посреди деревни и потребовали: «масло», «яйки», «молоко». Так началась немецкая оккупация нашего села. В течение нескольких дней были выловлены все куры,

зарезаны все свиньи. Корову взяли только в одной семье (Константиновых).

В нашей деревне боёв Красной армии с немецкими захватчиками не было, а вот в районе деревень Старое, Никулино – кратковременные бои были. Наши части сосредоточились в районе местечка Ровное и в течение августа месяца происходили артиллерийские дуэли. Над нашей деревней дважды происходили воздушные бои, использованные гильзы падали по крышам как град. Жители вынуждены были покинуть свои дома и эвакуироваться за 8 километров в деревню Жидулино, так как непрерывный вой снарядов над головой изматывал нервы.

В конце августа немцы подавили сопротивление Красной армии и ушли дальше на восток. Больше мы немцев не видели. Началось тягостное ожидание, которое получило название «проживание на оккупированной территории».

В деревне Зуево была создана волость, а в деревнях избраны старосты, но эта власть практически на жизнь народа не влияла. После ухода немцев весь урожай на колхозных полях был разделен без учёта трудового участия «по едокам». 1941 год был урожайным, поэтому все люди запаслись картофелем, рожью, из семян льна «набили» масла.

В начале февраля 1942 года вернулись к нам части Красной армии. Зима 1942 года была снежная и суровая, снабжение частей Красной армии осуществлялось очень плохо. Бойцы голодали, и население кормило бойцов, чем могло. Слава богу, что было вдоволь картошки и хлеба.

21 января 1942 года в сводке Сов информбюро отмечалось об освобождении от гитлеровцев города Торопец.

Холм не был взят нашими войсками, а только блокирован, только через 3 месяца его деблокировали. Это неприятное обстоятельство весьма раздражало ставку

Верховного командования и лично И.В. Сталина. Делались большие усилия по взятию Холма, особенно зимой 1942 года. Каждую неделю шли новые дивизии на взятие Холма, но безуспешно. Очень часто наступающие ночевали в нашей деревне, а через несколько дней возвращались после боёв под Холмом.

Напряжённые бои в 1942 году шли не только под Холмом, но и на всех рубежах по реке Ловать. Зимой 1942 года через нашу деревню нередко проходили поезда с ранеными. Это 12-15 подвод лошадей с санями. В нашей деревне обозы с ранеными оставались на ночлег. Обычно на подводе было по 5 раненых. В нашем доме они тоже размещались.

Безуспешные бои под Холмом с очень большими потерями наших войск продолжались до февраля 1944 года. Помню, один сержант говорил, что из батальона в бою под Холмом остался один он. После разгрома немецких войск под Ленинградом немцы сами ушли из Холма.

Сразу после освобождения у нас открылась школа, и я закончил 2-й класс. В июле месяце 1942 года нас стали эвакуировать подальше от фронта. Сначала мы жили в деревне Васьково, а в октябре переехали в деревню Курово Краснополецкого сельсовета. С октября 1942 по 1946 год я учился в Краснополецкой неполной средней школе. 1942-1943 учебный год был очень трудный. Не было тетрадей, учебников и даже чернил. Писали на газетах, старых книгах, а в качестве чернил использовали раствор сажи, свекольный раствор. Явились тетради, ручки и чернила. Учёба пошла нормально. За 4-й класс в 1944 году мы сдавали экзамены по русскому языку, математике, истории и географии.

Весной 1943 года в деревню Курово перебазировался ансамбль Северо-Западного фронта. В доме вместе с нами жили художник Алёша из Москвы и библиотекарь Зина из посёлка Кувшиново. Мы, ребяташки постоянно бегали на репетиции хора. Одним из руководителей ансамбля был

капитан Юферев. Он жил в доме Шавровых. В соседнем с нами доме жил фокусник Чистилин. Он часто заходил к нам и мне показывал свои фокусы. То втирал в кожу руки разные предметы, то из карманов, из-за ворота вытаскивал горсти монет и т.д.

Однажды в нашу деревню заехал армейский ансамбль Александрова. Около гумна провели совместную репетицию духовых оркестров. Сбежались ребятишки из окрестных деревень, настолько это было впечатляюще. Но самым значимым для населения и ребятишек было то, что каждый вечер ставили кинофильмы. Так что летом 1943 года мы пересмотрели почти все фильмы довоенного производства: «Чапаев», «Щорс», «Александр Пархоменко», «Семеро смелых» и др.

Деревни Курово и Слепнёво были объединены в колхоз «Красный переход». Данный колхоз функционировал и в период оккупации. Боевые действия обошли эти деревни стороной. Колхоз был крепкий. Все, в том числе и дети работали в колхозе очень старательно. Я, хотя мне было всего 10-11 лет, во время летних каникул каждый день работал в колхозе. Работали все ребятишки, на вывозе навоза гоняли лошадей. Во время сенокоса у меня было поручение рубить обметья под копны. На вспашке парового поля я был возаком. Вспахивали паркой. Мне нужно было пригнать лошадей с пастбища, управлять лошадьми при вспашке. После работы отогнать лошадей на пастбище. По вечерам ребята топили риги, где сушились снопы ржи. Утром снопы обмолачивали. Рабочей силы в военное время за счёт эвакуированных было много и все работали с большим энтузиазмом. Этого требовала обстановка военного времени.

Вспоминается интересный случай. Летом 1944 года мы с Иваном Беляевым работали на вспашке пара. Вдруг низко виляя проносится над нами немецкий бомбардировщик, а за

ним гонится наш истребитель, выпуская пулемётные очереди. Буквально через минуту-две раздался взрыв где-то в районе местечка Ровное. Бомбардировщик был сбит, а истребитель на большой высоте полетел назад.

В военные годы учебный год для школьников начинался не с 1 сентября, а с 1 октября, чтобы лишний месяц ребята могли поработать в колхозах. Но и после 1 октября школьники оказывали помощь колхозам в копке картофеля. Хорошо помню, что в 1944 году копали картошку в деревнях Липовка, Рокочево, Козлово. Все работы школьники проводили безвозмездно.

В военные годы школьники собирали подарки воинам-фронтовикам. Своими силами и с помощью родителей вязали рукавицы, носки, свитера, шили кисеты. С индивидуальными письмами отправляли посылки на фронт. Многие получали благодарственные письма от фронтовиков.

9 мая 1945 года как всегда мы пришли в школу. Погода была не тёплая, дул северный ветерок, на небе редкие облака на синем фоне. Приходит военрук и говорит, что Победа, праздник, идите домой. Так мы узнали о нашей Победе!

Федорищева Ирина Петровна

Очень хорошо помню начало войны. Тогда, в 1941 году, я закончила 4 класса Плоскошской начальной школы. Была весёлой, жизнерадостной девочкой, увлекающейся игрой в войну. Тогда эта игра была самой любимой для всех детей того времени. Ещё второклассницей в 1939 году, находясь в пионерском лагере в деревне Краснополец, научилась этой игре.

В предвоенное время был силён патриотический дух, который возбуждался и поддерживался такими песнями, как «Орлёнок», «По долинам и по взгорьям», «Дан приказ ему на запад», «По военной дороге», «Вихри враждебные», «Три танкиста», «Если завтра война» и т.д., а также фильмами «Чапаев», «Александр Невский» и др. Эти песни, не то что нынешние, глубоко проникали в детскую душу, наполняя её возвышенными чувствами. Поэтому, когда началась война и немцы очень быстро продвигались вглубь страны, я была всегда уверена в нашей победе, хотя другие люди сомневались, а некоторые и не верили.

В июле 1941 года появилась новая очень патриотическая песня «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой». Неудивительно, что на войне был проявлен массовый героизм, особенно среди молодёжи.

Война изменила и жизнь в Плоскоши. Вглубь страны гнали стада животных. Люди были сильно встревожены и по вечерам обсуждали слухи о приближении немцев. А немцы действительно приближались к Плоскоши, предварительно засылая своих разведчиков. Мы, дети обнаружили их на берегу Серёжи, но нам не поверили взрослые дяди. Вскоре появился в небе над Плоскошью немецкий самолёт. Он медленно и так низко летел, что чуть ли не задевал крышу белого дома (тогда в этом доме располагалось руководство). Все побежали в лес. Наша семья бежала по Пушкинской улице до молодого березняка. Сейчас на этом месте расположены дома, в одном из которых я теперь живу

По дороге в Торопец шли колонны наших солдат. Жители выносили им еду и питьё.

В 20-25 км от Плоскоши в западном направлении была обстреляна легковая машина председателя райисполкома Рослова. Стало ясно, что немцы придут в Плоскошь.

Вечером 28 июля 1941 года раздались пушечные выстрелы со стороны Малиновки. Задрожала земля,

началась паника. Залаяли собаки, коровы, задрав хвосты и поднимая пыль, бежали с пастбищ домой. За короткое время посёлок опустел. Жители покидали свои дома и уходили кто в лес, кто в соседние деревни к своим родственникам.

Немцы вечером не вошли в Плоскошь, так как боялись партизан, которые могли находиться в лесу по дороге из Малиновки. Немцы вошли в Плоскошь утром 29 июля 1941 года. Наши военные оказывали сопротивление: бросали бутылки с зажигательной смесью под танки. От этого возникал пожар. Сгорел дом на Пушкинской, который стоял на месте, где сейчас стоит другой дом, рядом со сбербанком. В этом доме была наша квартира. Всё сгорело. На пепелище был обнаружен только утюг.

За 3 месяца до войны моя мама видела вещий сон. Во сне она видела, что по нашему огороду бегают военные и бросают гранаты. Именно так и произошло наяву, 29 июля 1941 года. В этот же день был убит первый секретарь райкома партии Ломтев. Он возглавлял партизанский отряд и вместе с ним находился в здании ветлечебницы. Закурив, он открыл форточку, чтобы выпускать дым. Дым стал мишенью для немцев, и он был убит. Именем Ломтева названа улица в Плоскоши.

Да, жизнь сложна и непостижима. В Плоскоши были патриоты и были предатели. Мне известно, что по доносу учителя школы была замучена учительница начальных классов Петухова. Её я знала. Она была молодой и хорошенькой. Предатель сообщил немцам, что её муж – лейтенант Красной Армии. За это её, беременную на последнем сроке, немцы подвесили за волосы в сарае. В таком положении у неё родился ребёнок. Она и её ребёнок подверглись страшной и мучительной смерти.

Но патриотов было больше, особенно среди молодёжи. Они дрались по-геройски, по-русски. Вот и мой брат, Иванов Павел Петрович, смелый и очень одарённый человек,

особенно в математике, отдал свою жизнь ради нашей победы. Он учился в Плоскошской школе и поражал своими математическими способностями. Учась в 4-м классе, решал задачи из 5-го класса, а учась в 6-м, решал задачи из 8-го, хотя и не изучал алгебру. Будучи учеником 4-го класса, он совершил смелый поступок. Во время весеннего половодья, переходя через реку по лавам, одна девочка упала в воду. Он, не раздумывая, мгновенно бросился в бурлящую реку и вытащил девочку из воды.

В то время в Плоскоши было мало техники и машин, к которым его тянуло. Когда был объявлен набор в ФЗУ (фабрично-заводское училище) Ленинграда, он тайно от родителей оформил документы, прибавив себе год, чтобы его взяли. Только в день отъезда отец узнал об этом. За несколько месяцев обучения, он получил самый высокий разряд – 6-й. Об уникальности его способностей писала газета «Вечерний Ленинград».

Когда началась война, брат вместе с заводом был эвакуирован в Нижний Тагил. Там, уже в 17 лет он работал мастером военного цеха. Его ценили как высококлассного специалиста, и он был на «брони», то есть не подлежал призыву в армию.

Шла война, враг захватил большую территорию страны. Брат не мог не участвовать в военных сражениях, поэтому тайком уехал на фронт в действующую армию, хотя и не проходил военную службу в 1943 году. От него было одно письмо, в котором он сообщал, что проходили по территории Плоскошского района и теперь находятся под Великими Луками. Там шли тяжёлые бои, немцы поливали шквальным огнём все подступы к городу. Недаром Великие Луки называли маленьким Сталинградом. Под Великими Луками в возрасте 19 лет закончилась жизнь моего брата. Если бы он был жив, то неизвестно, кто лучшее оружие создал бы, Калашников или Иванов Павел.

И много таких людей, как мой брат, погибло в самой страшной и самой кровопролитной войне 20-го века. Если бы таких людей не было бы, не было бы и ныне живущих.

Голикова Валентина Алексеевна

В 1941 году мне было четырнадцать лет...

А тогда, в 41-ом, началась не жизнь, а ад кромешный. Первый раз нас бомбили 8 июля. Мама утром ушла в больницу рожать четвертого. Бабушка коровку отправила в поле и с двумя моими братишками пошла в лес за ягодами. Мне наказала: «Внученька, придет коровка с поля, ты ее подои, молочко процеди, подойничек вымой и повесь на солнышко сушить». Я так и сделала. Выношу подойник сушить и вдруг слышу, что-то гудит, рвется, а на небе ни облачка, что такое, никак не пойму... Потом смотрю, самолеты летят, а люди в лес бегут и плачут. Я в дом, открываю все окна, двери, пальто свое зимнее схватила и босиком тоже в лес... потом бомбежка кончилась, все пошли по домам, и я тоже. К вечеру бабушка пришла, а утром и мама с малышкой из больницы вернулась... С того дня стали нас бомбить каждый день. Как только утро настает, прилетают группами самолеты, отбомбят и улетают, потом другие, и так три-четыре раза в день, а когда и чаще. Прожили мы так неделю, больше уже не было сил, решили уезжать. Бабушка с нами не поехала, осталась в доме. А нам дали с папиной работы лошадь на две семьи: там женщина с тремя детьми да у нашей мамы четверо – мы и поехали. Куда ехали – сами не знали. Добрались до реки Западной Двины, смотрим, мосты взорваны, дальше ехать некуда... Идут наши солдаты, к нам подошли, спрашивают: вы куда? А мы говорим, теперь сами не знаем куда. Они нам: «Вы едете в самое пекло,

немец идет от Белого на Ржев. Там сейчас будут страшные бои...»

Что нам оставалось? Ехать обратно домой, опять в страшный ад? Мы решили остановиться в деревне Семеновское. Хозяйка приютившего нас дома тетя Дуся была добрейшим человеком. У нее было семь человек детей, и у нас четверо. Мы все как одна семья: вместе ели, спали на полу – нас трое и их семь. Малыш наш спал в корытце на лавочке. Ходили на колхозные поля, собирали колоски, картошку копали. Урожай в тот год был отменный. Наши мамы колоски обрабатывали на жерновах и нам пекли хлеб, из круп варили кашу. Так мы жили целое лето до осени.

В августе в Торопу пришли немцы, бомбежки прекратились, но мы домой не спешили ехать. В конце августа немцы на мотоциклах приехали в Семеновское, поговорили на своем языке и уехали. А мы все живем в деревне. Где-то в конце сентября – начале октября мама говорит нам: «Детки мои, что в Торопе немцы, то и тут, пойдете мы домой...» Собрались и пошли. Мост был взорван, мы, за руки держась, по кладочкам через реку перебрались. Пришли домой, бабушка жива, наши кровати целы, мы рады, что будем на них спать. Зато не стало нашей кормилицы-коровушки, немцы забрали, и в огороде пусто, нет ничего. Мама прижала к груди малышку, и мы стоим трое около нее, и говорит она, плача: «Детки мои, вот когда наша гибель пришла». А мы говорим: «Мама, не плачь, мы пойдём милостыню просить...» Ну и легли спать.

А когда проснулись, нам соседка сообщает страшную весть. Немцы рано утром, когда люди еще спали, окружили три деревни: Семеновское, Селяне, Ключки. С овчарками и с винтовками подходили к каждому дому, подпирали, обливали горючим и зажигали. Люди сгорали заживо. Из трех деревень в живых остались мы и еще два человека деревенских – их не было дома. Одна женщина из

Семеновского – у нее было пять человек детей – зачем-то пошла в другую деревню к родственникам и там заночевала, утром вернулась – ни дома, ни детей. А в Селянах мать послала сынишку к родственникам в Торопу, тоже к утру вернулся, а мама, две сестренки, дедушка и бабушка сгорели. Всего сгорело в трех деревнях больше шестисот человек. Вот так зверствовали фашисты на нашей земле.

...А мы не умерли от голода во время оккупации благодаря большой человеческой душе людей того поколения. Бывало, придешь в деревню, заходишь в дом, там у самих в семье пять, шесть, а то и семь человек детей, а тебе дадут или кусочек хлеба, или картошинку. Деревню пройдешь – а деревни были большие – сумочку наберешь. Вот так и выжили...

Потом начались трудовые будни. С апреля 42-го года мы со старшим братом работали в воинской части. Эта часть обеспечивала военный госпиталь картофелем и овощами, им было отведено полколхоза земли. Там мы и работали, детдомовцы из-под Велижа и дети из Торопы. Велижские детки со своим воспитателем жили в поле, в палатках. Они там питались, а мы ходили домой. Нам давали военный паек. Работали мы с шести часов утра до восьми вечера.

В августе месяце подростков от 14 до 16 лет по повесткам стали набирать для отправки на заводы Урала и Сибири. Тогда же, в августе 42-го года в Торопце оборудовали товарный состав, и нас, подростков из трех районов – Андреапольского, Торопецкого, Западнодвинского – повезли работать на Урал и в Сибирь. От каждого района были старшие – пожилые мужчины, от Западнодвинского был Александров Дмитрий Александрович. Начиная с Урала, нас стали распределять по заводам. Я попала в Новосибирск, станция Кривошеково. Как только нас привезли, сразу отправили в санпропускник, намыли, дали форму и повели обедать. Потом перевезли через реку и разместили в

общежитии. На второй день повели нас на завод, зарегистрировали и распределили по цехам. Я попала в инструментальный цех. А там поставили к станкам, каждого к своему, показал мастер, как станок включать и выключать, дали прибор, чем замерять детали – назывался прибор микрометр – вот и вся учеба. Работали мы по двенадцать часов, также и в ночные смены. На заводе трудились в основном дети и женщины, мужчин не было, мужчины были на фронте. Вот так мы все вместе и ковали победу...

Когда кончилась война, вернулась я домой, пришлось из руин поднимать поселок свой, ведь война оставила нам воронку на воронке. А как хорош был наш поселок до войны! Красавец-вокзал, дом культуры, клуб, двухэтажная школа с построенными во дворе красивыми домиками для учителей...

А сколько было предприятий... Все было уничтожено.

Вот сколько людского горя и слез принесла нам эта война...

Мария Петровна Александрова

Родилась я в 1914 году в городе Торопце, в котором я провела детские годы, училась, была пионеркой, и период юношества. Свои комсомольские годы провела по месту жительства родителей на станции Старая Торопа.

В 1938 году я вернулась в город, в котором продолжала жить, работать и нахожусь сейчас на заслуженном отдыхе.

Вспоминается день 22 июня 1941 года. В 12 часов дня радио принесло нам печальную весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Какое это было горе для нашего народа.

Начались мобилизация и отправка мужчин на фронт. 24 июня со станции Торопец, я проводила мужа Михаила

Васильевича в сторону Великих Лук. Был подан длинный состав товарных вагонов. Кругом были слёзы, горе расставания с близкими дорогими людьми. Все мужчины прощались со своими родными и уходили от нас в вагоны. Состав тронулся и мы, женщины остались на перроне каждая со своим горем. Вернувшись домой, надо было думать, как жить дальше, как работать, чтобы своим трудом помогать разгрому фашистов.

Мне было очень тяжело, я осталась с тремя детьми – девочками и ожидала рождения 4-го ребёнка. Работала я на Торопецком райпромкомбинате счётным работником. Мне был положен декретный отпуск, но я от него отказалась и продолжала работать, так как женщины в любой работе заменяли мужчин.

В центре города на здании телеграфа был установлен радиорупор и когда передавали сводки информбюро диктором Левитаном, собиралось много народа, чтобы услышать положение дел на фронте. Вести были печальные. На улицах города появились первые беженцы, которые проезжали через город и ехали дальше от фронта.

Первый раз фашистские самолёты бомбили город 24 июля 1941 года. Бомбы были сброшены на железнодорожный мост через реку Торопу. Но город жил, работал, несмотря на все волнения. С каждым днём мы видели всё больше перемещения войск и эвакуированных людей. Всё чаще долетали до нас фашистские самолёты. Так жила я со своей семьёй до 19 августа, когда мне пришлось оставить детей и пойти в роддом. Родилась у меня четвёртая девочка. 20 августа бомбили фашисты город и бомбы были сброшены на здание больницы, где находились женщины с новорожденными детьми и другие больные, но они перелетели через здание и упали в озеро.

23 августа под расписку я вышла из больницы и на улицах города увидела ещё большее скопление и передвижение

войск и эвакуирующихся людей. Ещё не окрепнув я должна была решить, как и куда выехать с ребятами. Но меня в трудную минуту поддержали друзья В.Ф. Милютина, А.И. Козлов. И вот я вместе с ними 26 августа поехала в сторону Андреаполя в серёжинский район в деревню Курцево. Дальше продвигаться нам было не на чем, и мы остановились.

Я была ещё слаба, да четверо детей: старшей 8 лет, младшей 7 месяцев.

30 августа 1941 года примерно около 12 часов мы услышали приближающийся гул мотоциклов. Это примчались немцы, фашисты, которых мы видеть не хотели, которые причинили нам столько горя. И так мы оказались в оккупации.

Через наших людей узнали, что 29 августа наши войска оставили город Торопец. Прекратилась связь с фронтом. Жить становилось с каждым днём всё тревожнее. До 16 октября мы жили в деревне, а больше жить немцы нам не разрешили, отправили в город по месту прежнего жительства.

Как тяжело было возвратиться в город, где хозяйничали фашисты. Трудно всё это спустя столько лет вспоминать, как будто вновь всё проходят перед глазами эти фашистские изверги.

В городе мы узнали, что немцы повесили наших партизан, товарища моего мужа по работе Евграфьева Василия, собрали евреев и расправились с ними путём расстрела. И вот в конце декабря месяца всё оставшееся в городе взрослое население немцы загнали по большим помещениям и церквам. Мы не надеялись увидеть своих детей, так как продержали нас целый день. Потом проверили документы и распустили по домам.

С каждым днём жить становилось всё труднее. Нечего было купить, делились между собой чем могли, ходили в

деревню, кто что подаст. Я ходила с маленьким ребёнком на руках в Хворостьево. Старших ребят отправляла к немецким солдатам за обедками. Были сделаны ведёрки из консервных банок. Иногда они приносили в них остатки супа.

Немцы называли нас русскими свиньями, унижали, оскорбляли нас как могли, радовались свои успехам, но мы надежды не теряли, твёрдо знали, что для фашистов наступит час расплаты и дождалась, когда наша армия освободила нас. Это было 21 января 1942 года. Сколько было радости, когда мы увидели своих солдат освободителей, которые успокоили нас, уверили, что победа будет за нами.

И вот началась жизнь в освобождённом городе, разгромленном фашистами. Всё трудоспособное население вышло на работу, куда требовалась рабочая сила. Я пошла работать в Торопецкий райпромкомбинат где работала до войны. Немцы похозяйничали на нашем предприятии, оно им было нужно – с него они освещались, пилили лес на доски, мололи зерно, чесали шерсть, которую отбирали у населения. Я была бухгалтером, поэтому мне велели вести учёт шерсти, награбленной по деревням, раздавать её горожанам, чтобы они вязали носки и варежки для немецких солдат. Я прикидывалась неразумной, мол, не понимаю по-немецки. Не хотела помогать врагам. Подругам своим советовала – делайте вид, что вяжете, а сами не спешите, скоро придут наши. Так и вышло. Уже после освобождения города освобождения города из этой пряжи навязали носки, варежки и к 23-му февраля 1942 года - Дню Красной армии отправили 2 посылки в действующую армию под деревню Ильино.

Жить стало веселее, хотя и трудно было. Выдали хлебные карточки, стали получать регулярно хлеб. В марте месяце 1942 года начали работать школы. Старшую дочь отправила

в 1-й класс, хотя ей уже был 9-й год. Тетрадей не было, так мы линовали книги и на них ребята писали.

На работе произошли изменения, с конторы меня направили работать на мельницу. Мельница нашего райпромкомбината молола зерно на муку для города и действующей армии, а также из зерна делали крупу для обеспечения армии. Работали много, сутками не ходили домой. Так как с фронта из-под Ильино часто приезжали по ночам за мукой и крупой. Вот так и спали на мельнице, ожидая транспорт с фронта. Каждая женщина не считалась с трудностями, старались работать так, чтобы помогать разгрому фашистов.

Несмотря на все эти трудности жить стало интереснее. Наладилась связь, я стала получать с фронта письма от мужа, который находился на Ленинградском фронте, героически дрался с фашистами. Он был награждён орденом Славы и многими медалями. В 1943 году он был тяжело ранен, лечился в госпитале под Курском.

С большими трудностями, с большими потерями дождались мы долгожданной Победы. 9 мая 1945 года. Это был настоящий праздник для нашего народа.

Началась мирная жизнь, восстановление разгромленного фашистами народного хозяйства.

Моисеенко Евгения Захаровна

Родилась я 2 ноября 1929 года в деревне Закринье Куньинского района Псковской области. На полу бани, с повитухой, такие были «роддома» как говорила моя мама Григорьева Татьяна Владимировна (урожденная Милохина). Отец Григорьев Захар Степанович, был сыном волостного старосты, и увёл свою Ташу с ярмарки. Женился на ней несмотря на недовольство родителей невесты. Там же в

Закринье родился мой младший брат Толя. Перед войной мы переехали в Великие Луки. Детство моё прошло в этом в городе. Был домик у нас на улице. Ботвина, № 7. Рядом была школа, куда я ходила. Мама работала на трикотажной фабрике. Отец работал на железной дороге сопровождающим товарных вагонов. Он был очень хороший, меня сильно любил. Наряжал меня, всё покупал мне, наряды и сладости. В 37-ом отец был репрессирован, осужден, провел в заключении около трех лет, освобожден досрочно в 1940 году. Когда я закончила 4 класса война началась. Отца призвали в армию, через год пришла похоронка и письмо от друга-сослуживца: его «снял» снайпер под Старой Руссой, когда он нёс пищу своему командиру. Две пули в грудь и отца не стало. Он один из своих 4-х братьев не вернулся с войны.

Мы сначала и не понимали, что такое война, слышали разрывы бомб на вокзале, а потом пришли фашисты, было голодно, варили картошку в мундирах, ребята ходили к немцам за едой с ковшиком. Они, что не доедят, нам принесут, выльют. А мы принесем домой, мама прокипятит, и мы все съедим. Женщины боялись ходить к немцам, посылали детей стоять за едой. Немцы не все были жестокими, особо не издевались. Я помню, как один из них сказал: «Зачем эта война, надо капут Сталина и Гитлера». Но самое страшное началось, когда город стали освобождать наши солдатики. Немцы буквально уничтожали город, бомбили так, что не оставалось камня на камне. Разбомбят один дом, мы идем в подвал другого, потом опять разбомбят. Потом уже жили в вырытом блиндаже. Хорошо, что туда ни бомба, ни снаряд не попали, а то бы нас всех уничтожило. От Лук только 2 дома осталось... Мы не погибли, видно не судьба была. А по вечерам мы слышали, как на другой стороне Ловати наша гармошка играет, а нам туда не попасть.

После освобождения мама с другими женщинами убирали трупы горожан с улиц из-под завалов, хоронили на братском кладбище. Случались и курьезы, когда, проходя очередной двор, они зашли осмотреть сарай, а там... покойник в гробу! Сказали «ишь, какой господин! Вытащили и вместе со всеми в одну могилу положили...»

После Великих Лук пришлось уехали на станцию Жижица, где жила родственники, бабушка (мамина мама Мария Милохина), она и приютила беженцев. Мне было 12 лет, в школу в тот год я не ходила, пошла работать в швейную мастерскую, благо у меня была швейная машинка. Перешивала шинели солдатские, так я стала труженицей тыла. Потом вновь была школа, семилетка, после - учеба в Наумовском ветеринарном техникуме, рядом с домом. Там на зоотехника готовили и на ветеринара, но я сказала, что буду учиться на ветеринара. После окончания меня направили работать ветфельдшером в деревню Пятницкое Торопецкого района. Из Пятницкого я часто бегала в родную Жижицу, на танцы в Наумово. Начальник отправил меня работать в Скворцово «чтобы не болталась».

А я и из Скворцова ходила в субботу на танцы - за 20 км до Жижицы, а в понедельник рано утром босиком назад к началу рабочего дня поспевала. Из Скворцова перевели меня в Пожню. Там судьба свела меня с Колей, свела на долгие 58 лет. Жила я тогда на квартире у председателя сельсовета Василия Петровича и его жены Таисии Гавриловны, дружила с их дочерью Лидой, впоследствии учительницей русского языка и литературы Лидией Васильевной Шаталовой.

Мне уже 26 лет было, одна знакомая мне и говорит: «Женя, приехал к нам молодой инженер из Ленинграда, вы с ним очень похожи, это – твоя судьба». Так и получилось.

Я бывало пройду по своему участку, все в порядке, возвращусь домой задолго до конца рабочего дня и шью или

вышиваю, очень я любила шить. Сижу за столом, шью, и вдруг председатель сельсовета заходит, меня в жар кинуло, а он с молодым человеком пришел, а я в рабочее время, дома. Посмотрел на меня Коля Моисеенко и влюбился, с первого взгляда, как говорят...Расписались. Родилась старшая дочь Наталья.

Когда Поженская МТС закрылась, Николая перевели в Торопец. Взяли его в «Сельхозтехнику» завмастерскими. Так мы стали торопчанами. Построили дом, привезла к себе маму, она тогда сильно болела. Родилась младшая дочь Ольга. Я работала в деревне Малахи, там открыли станцию искусственного осеменения КРС. Сначала была такая деревянная избушка, потом построили хорошую станцию: бычник, выгородку, лабораторию, я там 10 лет проработала, заочно училась в Ленинградском ветеринарном институте, стала ветврачом. Потом меня перевели в ветбаклабораторию. Сначала она была в старом здании на улице Стрелецкой, а потом построили новое типовое здание на Полежаевой. Мы исследовали всех животных района, тогда не было лейкоза и др. опасных заболеваний я всегда повторяю слова, сказанные профессором нашего института «Врач спасает человека, а ветеринар – человечество». 15 лет я проработала в лаборатории и ушла на пенсию. Все последующие годы посвятила семье, вырастила 2 дочерей у обеих высшее образование, семьи, старшая живет в Белоруссии, младшая осталась в Торопце, у меня 4 хороших внука, все получили разное образование, трое женаты и у них растут 3 правнука, одни мальчишки, младшего назвали в честь погибшего прапрадеда Захаром в год 75-летия Победы.

Торопец свой я очень люблю всей душой и не променяла бы ни на Москву, ни на Питер, ни на Крым, в котором жила моя свекровь и брат Николая Алексей. Нигде нет такого красивого Бабкиного озера, на берегу которого стоит наш с

Колей домик. Вот уже два года, как нет со мной моего мужа, грустно и горько, но радует то, что после меня будет здесь жить мой старший внук со своей семьей, что вновь будут звучать детские голоса, а значит, жизнь не кончается, продолжается наша семья, хоть и под другой фамилией. Новый хозяин и новая жизнь...

Антонина Федоровна Олехнович

Я родилась в 1925 году в деревне Пунище, два километра от Овсища. Детей в семье было пятеро: три брата и две сестры, я старшая. А я считай неграмотная. Класса три у меня было кончено, когда заснула летаргическим сном. Как там было, не помню, помню только, как поп надо мной кадилкой махал. Только через пять лет мне разрешили в школу ходить. Мамка меня отдавала, а я не пошла: большая стала, стыдно мне было не с ровесниками сидеть.

Наш колхоз «Верный путь». Очень богатый был колхоз, две машины только грузовых было! Нас, подростков, на этих машинах везли в Речане, месяца полтора или два мы там жили, дорогу строили, заливали туда раствор.

Когда объявили войну, везли войско – тёмной-тёмной тучей! Немец это войско не тронул, а как он по нам строчил! Как с Речан мы вернулись, дояркам дали приказ, чтоб угонять скот, а мама моя дояркой была. Вот я вместо нее скот погнала, в Красный Холм. Нас с колхоза было тринадцать человек, четыре доярки, на каждую по двадцать пять коров, а нетелей сколько было! Еще две лошади. Был с нами человек с райисполкома. Сталин дал приказ, чтоб мы на каждый день проходили 50 километров. Спали в лесу, кто на телегах, кто на земле. Долго ли шли? Ой, как долго! Мы вернулись домой только когда освобождали Торопец, в январе 42-го года.

Потом Сталин дал приказ, чтоб нас – 25-28 год рождения – послать в ФЗО. Нас повезли с Торопца, две недели везли: город Кунгур, это за Молотовым, там я была. Восемь месяцев мы на лесозаготовках работали, из воды метровку тягали. Мы там и не нужны были, колхоз выходил меня, мать у нас болела, я и поехала назад. Пропуска-то не было, прицепимся на подножки, проедем, а милиция нас снимала.

Приехала домой, потом послали меня на Гальский мох, это в Великополье, под Луками. Там я три сезона была, торф копали. Рядом с фронтом была, идем с котелком за едой, а тут обстрел, и мы все на земле. Немец там стоял долго, земля и вода там смешана была.

С Гальского мха нас послали в Западную Двину в какой-то колхоз. Тут мы узнали, что война кончилась...

Иванова Татьяна Дмитриевна (Васильева от рождения)

Родилась я 8 января 1932 года в деревне Белянское Плоскошского района (сейчас Торопецкого), Конищевского сельсовета в крестьянской семье...

В 1941 году я закончила второй класс, начались летние каникулы.

В это время в деревнях радио не было, но в воскресенье 22 июня утром уже знали, что началась война. Кругом плач, хлопоты, сборы, проводы, мобилизация. Через несколько дней папа отправился на фронт.

Немцы появились у нас в конце августа, наверное, в субботу, т.к. мама топила баню. Немцы ехали на машинах, мотоциклах, велосипедах, пешком никто не шел.

Движение их было приостановлено, потому что партизаны взорвали мост через реку около села Конищево. (Конищево называлось селом, потому что там была

построена церковь). А дорога (называли ее большак) связывала Великие Луки и Холм самая короткая. Дня три простояла эта колонна, потом сменилась другой, и такая замена продолжалась больше месяца. Потом массовое движение немцев прекратилось.

Первые колонны немцев появились после обеда. Частный скот был в поле. Так пастухи его вечером погнали не домой, а в лес. Колхозное стадо было уже куда-то отправлено заранее. Немцы охотились за курами, гусями, утками и поросятами. Не брезговали овощами с огорода. Что имело какую-то ценность в хозяйстве в том числе зерно, были закопаны в ямы до лучшего времени.

На начало войны нас в деревне осталось две семьи – наша двойная семья и одинокая старушка баба Груша, с которой я очень дружила, часто ходила к ней ночевать. После того, как колонны немцев проехали – скот из леса пригнали. Коров там доили молодые парни и девушки. Как они там жили, в каких условиях – знали только они. В деревне оставались только старики, женщины и малые дети.

В нашем колхозе, т.е. в деревнях колхоза немцы постоянно не жили. Только через деревню 2-3 подводы 3-4 раза в неделю возили сено, наверное, с заготовительного пункта. Полицаев тоже я не видела. Карательный отряд появлялся в деревне Клыпино и других деревнях на Пестряково. Там погиб партизан Сергеев (имя не помню). Его родители жили в местечке Большое Толкачево – это глухой лес и бездорожье. Наверное, там и базировался партизанский отряд.

После войны родители этого партизана переехали жить в деревню Мокшино (в дом моего дедушки).

Хоть боев (слава Богу) у нас не было, но грохот канонады был слышен со стороны Великих Лук и Холма. Ночью было видно зарево пожаров из Торопца. Очень страшно было.

Оккупация закончилась в январе месяце. А с 1 февраля мы пошли в школу. Кирпичная школа была разрушена. Учились в приспособленных помещениях. Первую неделю учились мы в законченных весной классах 1- в 1-ом, 2- во 2-ом и т.д.

Проверяли знания, оставшиеся после пережитого. Так в 3-й класс перевели только 18 человек из 32 весеннего выпуска, остальные остались во 2-ом классе на второй год.

Во время войны все дети были «взрослыми» так как трудились вместе с родителями и соседями. Пасли скот, заготавливали сено, управляли быками на вспашке. А бык и есть бык. Если решил, что ему нужен отдых – он его сделает. Затянет в кусты плуг вместе с пахарем и погонщиком. И пока не отдохнет – не поднимется. Во время войны в колхозе было три лошади (клячи). На них в основном бороновали и обвозили копны сена, возили снопы сена в заготпункт за 12-15 километров, часто с ночевкой, так как заготовители не успевали принять сено при дневном свете, а электричества не было...

В 1942 году папа из-за болезни вернулся домой (резекция $\frac{1}{2}$ желудка). Работал в Плоскошском райфо. Года 3 работал председателем колхоза...

Елена Сергеевна Лазеева

Как сейчас помню ясное тихое летнее утро 22 июня 1941 года. День предвещал быть жарким, и мы ватага детей, спозаранку убежали на реку купаться. А в 10 часов утра В.М. Молотов выступил по радио с обращением к советскому народу: «Дорогие соотечественницы! Коварный враг перешел границу Советского государства и топчет нашу землю. Родина в опасности!!

Все на борьбу с ненавистным врагом!..

Когда мы прибежали с речки, то взрослых людей было не узнать, все плакали и произносили одно слово: «Война!»

Мы поняли, что случилось что-то страшное...

22 июня уже многим мужчинам были вручены повестки - явиться в военкомат для отправки на фронт. И в последующие дни июня-июля продолжалась мобилизация Советской Армии...

Немецкие фашисты в это время все глубже и глубже вторгались на территорию нашего государства, повсюду сея за собой смерть, разруху, голод.

В это время подростки, юноши и девушки лет 14-17 были мобилизованы рыть окопы, рвы на реку Ловать, ставить противотанковые ежи чтобы преградить путь немецким танкам...

Во второй половине июля 1941 года немцы были на территории Плесошского района, занимали одну деревню за другой: Волок, Дуброво, Никулино, Старое, Сельково, Мерелево, Монастырево, Сидоровская, Сабурово, Волковская, Понизовье и другие....

Жители этих деревень бросали дома все, что было нажито трудом многих лет, убегали в леса. Так жители деревень Дуброво, Сенецкое, Вомурово убежали далеко в лес за деревню Пустыньки.

Подоспели части Советской Армии, и начались кровопролитные бои за Волок, Дуброво, Никулино и другие деревни.

В одном из таких боев деревни Дуброво и Никулино сгорели дотла. Был взорван железный мост через реку Сережа. Но силы были неравными. Наша армия отступила, неся потери в живой силе.

Великие были потери и у немецких фашистов: всюду были немецкие кладбища с березовыми крестами.

Наша территория, т.е. бывший Плесошский район оказалась занятой фашистами. Начались мрачные суровые

дни немецкой оккупации (август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и начало января 1942 года).

Фашисты отбирали у населения скот, хлеб, другие продукты питания, теплые вещи, обувь. Убивали мирных жителей, если те пытались оказывать малейшее сопротивление.

На занятой территории, в деревнях немцы поставили старост из числа людей, оказавшихся предателями своей Родины. В деревне Зуево была немецкая волость. Старосты в деревнях отбирали у населения хлеб, продукты питания, теплые вещи: носки, варежки, валенки, обувь.

Все это они отвозили в волость в деревню Зуево.

На территории Плесошского района действовал партизанский отряд. Народные мстители всячески старались вредить немецким захватчикам. Они устраивали засады, отбирали награбленное добро, убивали немецких солдат...

Была разгромлена и немецкая волость в деревне Зуево. Здание, в котором расположилась немецкая волость, было сожжено, все было разгромлено, уничтожено. В этой операции принимала участие учительница Понизовской семилетней школы Вера Ивановна Щербакова (она была партизанка). Она была тяжело ранена. А те, кто решился работать на немцев в этой волости, понесли заслуженную кару.

В конце января месяца 1942 года части Советской Армии освободили город Торопец, затем Плесошский район, деревни от немецкой оккупации.

Радости нашей не было конца, когда ранним январским утром увидели советских солдат на улице своей деревни в шапках с красными звездочками.

Наша Армия пошла в наступление, и фронт отодвинулся от нас на запад и северо-запад, в направлении к городу Холму Новгородской области и станции Локня.

Мы продолжали жить, трудиться, помогать нашей Армии громить ненавистного врага». Все для фронта, все для Победы!» - было девизом нашей борьбы.

Было очень трудно. Не было хлеба, соли, керосина, мыла, т.е. самого необходимого...

Но мы жили с глубокой верой в то, что все это временно, что все это кончится, что придет Победа и наступит настоящая жизнь.

Мы работали наравне со взрослыми: приходилось косить, молотить вручную рожь, вскапывать лопатами колхозное поле, ходить в город Торопец за семенами пешком, несли за плечами 24 килограммов овса для посева колхозного поля, т.е. надо было возродить жизнь родного колхоза. Так прошли 1942 - 1943 военные годы.

Осенью 1944 года в сентябре меня отправили в город Бежецк за овцами. Было нас семь человек гонщиков. В конце сентября мы пригнали 200 голов овец на наш район для восстановления, разрушенного войной хозяйства.

С 1 октября 1944 года открылась школа в деревне Понизовье. Я сразу пошла в 7 класс, пропустив два года, самых трудных в истории Великой Отечественной.

Было трудно очень. Война продолжалась.

Очень трудно было с продуктами питания. Не хватало хлеба. Не было одежды, обуви...

В школе не было парт, бумаги, чернил, книг. Собрали мы книги, которые уцелели, принесли учителям и стали заниматься. Писать приходилось на газетах между строк чернилами, сделанными из сажи.

Сами заготавливали дрова, чтобы отапливать помещение. Но учиться не бросили.

Пришла весна 1945 года, долгожданная весна, а с нею и Победа. Ранним утром 9 мая 1945 года пришла весть из сельсовета деревни Понизовье: «Война окончена.

Советская Армия победила!»! Этот день запомнился мне на всю жизнь. Люди радовались, плакали и обнимались...

Радовались от того, что кончилось кровопролитие. Плакали от того, что те, которые пали в боях за Родину, никогда не придут к родному дому, к своей семье, где их так ждали и продолжают сейчас ждать...

Запомнился мне тот день летом 1945 года, когда вернулся с фронта наш отец Галактеев Сергей Васильевич. Вернулся контуженный, раненый.

Домик наш, что стоял на краю деревни Волковская, уцелел, целы и его все десять детей, мать наша, что спасла нас от голода и холода в трудное военное лихолетье. Стоим мы все худые, бледные, одежда - что на нас. Окинул он (папа) нас всех своим взглядом и сказал: «Ну, вот и хорошо, что вы все живы остались. Теперь будем жить по-новому».

И сегодня, вспоминая прожитые годы, я хочу сказать своим родителям: «Большое Вам спасибо за воспитание своих детей».

Они старались воспитать нас, прежде всего, честными, правдивыми, трудолюбивыми. Их сейчас уже нет в живых. Но живы их дети, внуки со своими семьями, которые трудятся в разных уголках нашей необъятной Родины-матери, в различных сферах народного хозяйства. И в заключение хочу сказать, чтобы те ужасы Великой Отечественной войны никогда не повторились, чтобы человечество шагнула в 21 век, безъядерный век, без войны!

Анна Никитична Граничева

Родилась я в ноябре 1925 года.

Когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось 16 лет. В конце августа 1941 года немцы оккупировали Торопецкий район. Жить стало очень тяжело.

За солью и спичками ходили через лес в Торопец. Если кто шёл по дороге, то многие не возвращались, были убиты или задержаны. Немцы боялись партизан.

Когда Торопец освободили, по приказу Сталина нас, подростков, призвали на работу в ФЗО. Отправили меня по северной железной дороге в город Свердловск. Сначала я попала в Нижний Тагил, в город Кушва. Работала день и ночь токарем на военном заводе. Изготавливали мы снаряды для фронта. Пускали на завод только по пропускам.

Кормили нас очень плохо. Подавали на обед варёную мороженую брюкву, когда она разваривалась, всплывали наверх черви. Я очень скучала по своей матери, несколько раз убегала домой, но меня ловили и возвращали назад.

Потом направили на другой завод, на золотые прииски в глухую тайгу. Дали хлебные карточки. Работали мы посменно, но работа была тяжелее прежней. Но очень хотелось домой и опять решили с подругами бежать. Ушли ночью по тайге, пришли в город Кушву, ждали поезд. Но нас опять поймали и предупредили, что если мы опять убежим, то нас осудят и тогда – тюрьма. Попала на другую работу, в литейный цех. Получила общежитие. Больше бежать не стала. Наоборот, трудилась хорошо. Меня ставили в пример. За работу там меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг».

Война кончилась, но домой ехать не разрешали. Я много плакала и переживала о матери. Шесть лет тяжёлого, недетского труда, без родных и близких. И не знала, живы они или убиты. Домой я возвратилась лишь в 1948 году. Вышла замуж, родила сына Виктора.

Всю свою жизнь прожила в деревне Нишевицы. Работала в совхозе «Торопецкий»: сначала рабочей, выполняла работу по наряду, потом работала телятницей. Награждена медалью «За трудовую доблесть».

Антонина Васильевна Волкова

Я родилась в марте 1927 года в деревне Синичино Калининской области. Мать звали Дарья Кузьминична, а отца – Василий Иванович Кудрявцев. Перед войной мы жили в деревне Мартисово. Отец работал лесником. Когда началась война, отца забрали на фронт, и он погиб в первые месяцы войны. Мы, пятеро детей, вместе с матерью переехали в деревню Нишевицы. Мне в это время было 14 лет. Как могли мы помогали матери.

В мае 1942 года сельский совет вручил мне повестку, в которой сообщалось, что я должна ехать на работу в ФЗО. Привезли нас в Торопец на железнодорожный вокзал, подогнали товарный поезд. Таких как я было много, наверное, несколько тысяч. Нас повезли, и мы не знали куда. Пока добирались до Урала, нас много раз бомбили немецкие самолёты. Мы бежали, прятались в лесу, но многих своих подруг не досчитались.

Так я попала на Урал. Нас повели пешком через лес 25 километров. Завод находился в лесу, окружённый огромным забором. Место, куда я попала, называлось Нижне-Сергиевский завод. На этом заводе изготавливались снаряды для фронта. Они были тяжёлые, мы их смазывали, а потом грузили в вагоны.

На этом заводе я проработала 7 месяцев. Потом нас повезли в Свердловскую область станция Егоршино, город Артёмовский. Поселили в общежитии. А работать мы стали на гидроэлектростанции (ГЭС). Строили мы плотины. Пришлось учиться и осваивать новую профессию – электромонтёр. Много раз приходилось спускаться под воду, чтобы проверить оборудование, которое работало на плотине. На меня одевали водолазный костюм, очень тяжёлый, подвязывали верёвкой и опускали под воду. Работая электромонтёрами, мы с подругами лазали по

столбам и тянули электропровода. В городе было две шахты и когда в них проводили свет, надо было спускаться под землю. Это было и опасно, и страшно. Потом, когда пригнали пленных немцев, работать стало легче. Каждой из девчонок досталось по несколько человек пленных и немцы работали под нашим командованием. Работали в три смены.

Жили мы в общежитии. В одной комнате нас было 16 человек. В 15 лет мы уже научились жить и работать самостоятельно.

На обед нам выдавали карточки, по которым мы получали по 500 граммов хлеба в день, а также крупу, масло, жир, капусту. Мы экономили на хлебе: брали меньше положенного. И к выходным у нас получалось 2 буханки сэкономленного хлеба на всех. Тогда мы брали одну буханку хлеба и несли её на рынок. Там меняли её на ведро картошки. И это было для нас праздником.

В апреле 1947 года я вернулась домой. Вышла замуж за фронтовика Волкова Василия Ивановича. Работала в совхозе «Торопецкий» рабочей, потом телятницей. Перед выходом на пенсию работала в столовой.

Мария Антоновна Касаткина

Я родилась в феврале 1929 года в деревне Молостово Серёжинского района Бельковского сельсовета. Семья наша была большая: отец, Антон Михайлович Виноградов, мать, Дарья Романовна, братья Николай, Алексей, Степан, сёстры Антонина, Галина и я, Мария.

Когда началась Великая Отечественная война, отец и старший брат ушли на фронт. Сестра Антонина вместе со взрослыми женщинами, чтобы спасти колхозный скот, погнали его на территорию Калининской области, куда,

думали немец не придёт. Брата Лёню забрали в ФЗО. В деревне с матерью осталось ещё четверо детей.

Я запомнила на всю жизнь тот день, когда впервые увидела немцев. Наши войска отступали. В тот день у нас в доме было шесть красноармейцев, которые зашли к нам поесть и отдохнуть. Наш дом стоял у дороги. Поэтому все обратили внимание на колонну, которая приближалась к деревне. Это были немцы. Они ехали на мотоциклах в чёрных плащах и касках. Так я впервые увидела немцев и мотоцикл. Для нас мотоциклы были в диковинку. Наши солдаты схватили свои ружья и бросились бежать. Когда они скрылись в овраге, мать обнаружила, что они забыли патроны. Она заметалась по комнате, не зная куда их убрать. Хотела запихать патроны в печь, но я посоветовала вынести их на улицу. Вдруг немцы остановятся у нас и захотят затопить печку. Тогда бы мы пропали. Сложили мы патроны в подолы платьев и выбежали на улицу, спрятали под котёл.

Немцы жили в деревне трое суток. Они нам ничего не делали. Ловили кур, отбирали еду, но нас не трогали.

Потом мы переехали в деревню Нишевицы. Там находился военный госпиталь. Мне уже было 13 лет и надо было ходить на работу. Мужчин не было, работали женщины и дети. В военное время жили трудно: варили кашу из комбикорма. Из гнилой картошки, которую копали ранней весной, пекли лепёшки. Надо было обрабатывать колхозную землю. Копали мы вручную. Норму нам давали 2,5 сотки. Тягали мы вручную лён, жали серпом рожь. О тех временах осталась отметка на пальце, нанесённая серпом.

Я научилась запрягать лошадь, единственную оставшуюся в деревне по старости и непригодности. Нам давали наряд на работу. И мне каждый день приходилось запрягать лошадь и на ней подъезжать к госпиталю. Много солдат умирало от ран и болезней. Солдаты грузили мне в

телегу умерших, и я отвозила их в общую яму. Взрослые снимали их с телеги и закапывали, я на них не глядела. Я их только возила. Недавно я показала это захоронение ребятам из поискового отряда. И поисковики выкопали 68 тел солдат и перезахоронили их в братской могиле в деревне Подгороднее.

После войны было тяжело, но мы радовались, что война кончилась и мы живы. Вышла я замуж за Касаткина Николая. У нас родились дети: дочь Галина и сын Алексей.

Я потом работала в совхозе «Торопецкий» рабочей, потом несколько лет работала почтальоном, техничкой в конторе совхоза.

Куликова Мария Ивановна

Я родилась в 1925 году в большой дружной семье...

В 1941 году я окончила 8 классов. Собиралась ехать учиться в Великолукский железнодорожный техникум. В семье нас, детей, уже было семеро, и папа с мамой, так что нужно было приобретать специальность, чтобы помогать отцу, мать не работала.

22 июня началась война. Отца, инвалида еще прежней войны, на фронт брать не стали. А меня в начале июля вызвали в райком комсомола и сказали, чтобы через час была на вокзале, поедем расчищать путь после бомбежки. Куда поедем, не сказали, только велели предупредить родителей, что вернемся не сегодня. Я наскоро оделась, захватив с собой пальтишко, чтобы ночью не замерзнуть. Ни смены белья, ни обуви, ни мыла, ни полотенца – ничего с собой не было взято. Сели в товарный вагон – и поехали.

Привезли нас в Селижарово рыть противотанковые рвы. Работали много. Подъем был в 6.00. На завтрак каша пшенная с дымком вместо масла (почему-то она всегда была пригорелая). Обедали прямо во рвах. В 21 час нас привозили

к месту ночевки. Опять каша пшенная, кипяток. Спали в какой-то заброшенной усадьбе, прямо на полу, подстелив охапку сена. Мылись в Волге и стирали в ней же. Мыла не было. Я один раз выстирала свое платье на остром камне, и оно стало как из марли (терла от души, без мыла). Рубашонка тоже порвалась, и хоть жара стояла ужасная, мне скоро пришлось одеть пальто, потому что тело сквозь ткань светилось. Потом от холодной воды завелись вши. У подруг моих, Тони Краснописцевой и Клавды Марковой, были длинные косы, им плохо приходилось. Но несмотря на трудности, домой никто не просился, все понимали, что мы должны остановить врага.

Привезли нас домой в конце августа: худых, грязных, вшивых, в рваной одежде. Выстригли под машинку. Первое время, пока не окрепли, мы все хотели есть, и кормили нас осторожно.

А враг наступал, немцы заняли Великие Луки. В Торопце было тревожно, многие покидали город. Нам, с такой семьей (младшей было всего четыре года) об эвакуации и думать было нельзя. Отец и старшая сестра продолжали работать, но жили мы в ожидании чего-то страшного. Накануне взятия немцами Торопца прибежала с работы сестра и стала умолять отца покинуть город, уйти к нашим. Как идти, куда? Но отец согласился. Вот тут-то и послужила нам наша корова Зорька. Мы быстро собрали теплые вещички для маленьких, кое-что съестное, кастрюльку, битон, тарелки железные. Все это погрузили на коровку. С нами пошла моя подружка Тоня (она одна жила, мать умерла) и соседка с тремя детьми. Всего собралось четырнадцать человек.

Пошли мы по Понизовскому большаку в сторону Грядец. Народу на большаке было очень много. На ночлег остановились в лесу. Утром услышали шум на дороге. Это мчались немецкие машины, мотоциклисты. Мы с криком кинулись глубже в лес. В том краю мы знали одну деревеньку

и направились к ней. В избы нас не приняли, пришлось на опушке леса рыть землянки. Для коровки сделали из веток шалаш. Так и устроились вместе, все четырнадцать человек. Ходили на поля, копали картошку, разводили молоком и ели. Детишки ходили по избам, там им давали хлеб, крупу гречневую, овсяную. Так мы прожили недели три. Немцев в деревне не было, но однажды мы увидели мотоцикл с немцами. Они издали заметили огонь в лесу и людей на опушке. Обстреляли опушку и укатили прочь. Назавтра староста приказал нам покинуть лагерь, иначе немцы обещали прислать карательный отряд и спалить деревню. Мы снова погрузились на коровку и всей уже семьей пошли в город.

Дом наш оказался раскрыт, все, что можно и нужно кому – растащено. Как бы ни было трудно, отец сказал, что на работу к немцам никто не пойдет. Вначале, пока земля не замерзла, ходили на поля перекапывать картошку. Наносили много, но большой семьей и съели быстро. Потом собирали мороженые очистки картофельные (рядом была немецкая кухня). Промоем и на сковородку. Жарили на рыбьем жире, у нас его сохранилось две бутылки (раньше детей им поили). Все это было ужасно невкусно, но ели. Потом кто-то подсказал, что в лесу при отступлении зарывали в землю тесто из пекарни. Оно перемешалось с песком. Мы ходили, ведрами носили это тесто. Блины из него жевать было нельзя: песок скрипел под зубами, но глотали. Скоро и это закончилось. Пришлось брату идти работать на хлебопекарню. Сам он поесть там мог, но домой ничего нельзя было взять. Сразу расстрел. Тогда его кто-то научил: раскатать тонкую лепешку, наложить ее на живот и прижать одеждой или поясом. И когда конвоир незлой (были и такие немцы) брат проносил такую лепешку домой. Дома ее пекли на чугунке и делили по едокам. Брат свой кусочек не ел, а прятал. Когда не удавалось принести – отдавал малышам.

Часто приносил что-нибудь для маленьких и соседский мальчик Коля Федоров.

От вечного недоедания, от страха, заболели. У старшей сестры плечи и спина покрылись гнойной слизью, у меня на животе и груди были сплошные болячки. От боли трудно было менять одежду. Первая военная зима выпала морозная, многоснежная. Полицейские ходили по домам, выгоняли на работу – расчистку снега. Глянув на наши болячки – отставали, обещали изолировать нас от семьи и общества.

Нашу семью любили соседи, к нам заходили и взрослые и дети. Все были уверены, что немцы скоро побегут, и мы освободимся из плена. Один сосед, дядя Саша Титов, так и говорил: скоро побегут эти лайбусы. Ох, как он их ненавидел! Погиб он от их грязной руки. Как-то в декабре поковылял с санками в деревню поменять соль на хлеб, у самой деревни встретил конный немецкий отряд, они его и застрелили.

Дня за три до освобождения Торопца все взрослое население было загнано по церквям: там провели регистрацию и приказали никуда не отлучаться из города. Получается, что всего на несколько дней опередили наши воины-освободители немцев, а не то увезли бы они всю молодежь в рабство.

19 января. Праздник Крещение. Наши наступают. Утром, часов в 11, начался обстрел города тяжелой артиллерией. Один снаряд попал в немецкий штаб, расположенный на перекрестке улиц Ленина и Калинина. Штаб сгорел, мы радовались, что много погибло фашистов. 20 января немцы отступали, они шли колоннами по Советской улице к вокзалу. Под вечер в городе была тишина. Ни немцев, ни наших. Сестра шутила: «Я комендант города!» Мы не ложились спать. 21 января в два часа ночи услышали шум, скрип полозьев санных. Дом наш был в переулке Свердлова, рядом улица Советская. Мы выбежали на улицу. Вдруг

слышим: русский мат и «ну, поехали!» Сразу поняли, что это наши. Обозы стали заезжать в переулочек и расквартировываться по домам. Нас, худых, голодных, солдаты очень жалели, давали нам продуктов. Сколько было радости и слез...

Немцы за время оккупации загадили многие здания. Мы, все, кто мог, вышли расчищать город. Жизнь стала налаживаться. Но уже освобожденный город немцы стали бомбить. Как только время подходило к полуночи, слышалось тяжелое гудение немецких бомбардировщиков. Бомбы они сбрасывали не сразу: летали, нудно гудели, выбирая цель. Потом шумно снижались и сбрасывали бомбы. Наш дом долгое время находился в эпицентре бомбежки. Осколком снаряда, сброшенного на улице Ленинградской, была убита тринадцатилетняя девочка Нина. Она выбежала из дома, и в воротах ей снесло голову. У нас тогда выбило все окна с перерамками, взрывной волной снесло коридор. Через несколько дней нас снова бомбили. Соседский мальчик, двенадцати лет, выбежал на крыльцо, и на пороге его сразило осколком насмерть. Еще одну бомбу скинули уже глубокой ночью, тогда чуть жертвами не стали я и моя сестра. Мы легли спать. Обычно, услышав гул бомбардировщиков, мы вставали и выходили во двор или огород, там ложились на землю. На этот раз мы не послушались отца и не вышли. Гул нарастал, папа ругался на нас, а мы продолжали лежать на кровати. Вдруг над нашими головами раздался страшный шум, и мы вмиг свалились на пол. Бомба упала совсем рядом, осколком пробило стену дома напротив наших голов, разорвало наши подушки и тумбочку. В комнату было не войти, перо с подушек стояло в воздухе тучей, а мы лежали на полу чуть живые. Но живые. Этот день мы считали своим вторым рождением. Бомбили нас еще долго.

Брата моего взяли в армию, вскоре вызвали в райвоенкомат и меня. Проходил призыв девушек 1924-25 гг. рождения. Мне не повезло: комиссия забраковала. Помню, как военврач сказал: «Иди, милая, сердечко лечи...» Я плакала.

Когда в Торопце обосновался фронтовой военно-полевой эвакогоспиталь, я стала в нем работать. Было мне тогда 16 лет. Работать приходилось сутками. Мы были и санитарками, и помощниками медсестер, и грузчиками. За многих раненых приходилось по их просьбе писать письма их родным. Какие это были письма! Ни жалоб, ни стона. Успокаивали родителей. Желали скорее подлечиться и на фронт. А когда было меньше поступления раненых – мы становились артистами. Все девчонки, кто как мог, участвовали в организуемых «концертах» ...

Николаева Эльвира Владимировна

Я родилась в 1925 году в деревне Василево Западнодвинского района. Семья у нас была большая: отец, мать, восемь детей... В школу я ходила в Заборицу, это за восемь километров от нас. 20 июня у нас был выпускной вечер. Лето, ночь короткая, когда шли домой, уже светлосветло было. А на завтра объявили войну. Отец мой на фронт не попал по возрасту, и его назначили председателем колхоза.

28 августа к нам пришли немцы. Перед этим наши военные отступали и нас хотели отселить, но уже не успели, только скот отогнали. Так мы остались в деревне без скота. Немцы пришли, остатки чего было – все забрали: курей, мед. Мой отец сначала жалел пчел разорять, но как мед отдал, пчелы все и пропали, все равно остались мы ни при чем...

Так и жили, картошку перекапывали, гнилую ели, блины всякие пекли. Кабы корова была, то хоть бы с молочком, а то просто так.

Добрые люди помогли... Вдруг мобилизация: всех с 1925-го года рождения – в военкомат. Зашла я на могилку к маме, попрощалась. В военкомате нас осмотрели. Тех, которые недавно тифом болели, не брали. Я болела в декабре, и меня взяли. Нас из деревни трех девочек взяли. Ольга к тому времени стала председателем колхоза – больше некому было, а она грамотная, четыре класса закончила. Вот ей предписание дали отправить нас в Торопец. Оттуда нас в грузовых вагонах везли недели две – помню Санково, Рыбинск, Уральские горы. Долго везли: где стоим, военные эшелоны пропускаем, где покормят, а когда и не покормят... Женщины на станциях приносили к поезду что-то продавать, там же войны не было. Часто голодные мальчишки выхватывали у них из рук приготовленную на продажу еду. Слух об этом прошел, и носить к поезду перестали.

В Перми часть народу оставили – 1927-28 года рождения – а нас, 25-й год, отправили дальше. Мне повезло: со мной был весь наш класс, как мы заканчивали школу. Сначала нас привезли в Сталинск, сейчас, это, наверное, Новокузнецк. Там три месяца поучили: кого на шофера, кого на токаря. В декабре-месяце приехали за нами из Новосибирска, там был эвакуированный из Ленинграда завод. Еще не все было смонтировано, установлено, и мы с неделю сидели в общежитии. Первый этаж занимали семьи ленинградцев – специалисты, рабочие. Нам наверху стены обшили, утеплили, печки поставили. Жило человек по 25 в одной комнате. Стали нас кое-чем снабжать: то картошки мороженой привезут, то капусты. Потом карточку дали рабочую и талончики на еду дополнительные.

Как-то я пришла за талончиком, расписалась, и начальник цеха – он с семьей был из Волгограда, пожилой

уже мужчина – говорит: «Приходи ко мне в цех, табельщицей». Я ж не работала там, говорю: «А что там делать? Может, не справлюсь». «Справишься». Вот, говорит, на проходной у каждого рабочего бирочка, а кто в цехе не пришел на работу, значит там нет бирочки, или не взял бирочку, и ты должна писать и подавать заявление. Таких сразу судили. Так я у него отработала, потом еще в инструментальном цехе – там трудились самые высшие специалисты – я принимала у них работу, и наряды писала, и зарплату начисляла. Потом меня стали звать в контору, в заводоуправление. Так я перешла туда.

В 46-ом мне дали отпуск, и я поехала домой...

Петренко Александра Ильинична

Не могу сказать, что я 100-процентная фронтовичка. Всю войну я провела в прифронтовой зоне. Сначала в госпитале блокадного Ленинграда, затем в 3-м военизированном отделении службы движения Октябрьской железной дороги. Но и этой войны с лихвой хватило всем в моем роду: и мне, и матери, и отцу, и сестре, и мужу...

До войны я жила в Ленинграде, попала туда девочкой, меня взяли на воспитание

Войну я встретила 18-летней девушкой. Работала на текстильно-прядельной фабрике «Возрождение», где мы пряли тросы и канаты для нужд флота. Я работала приёмщицей-кладовщицей. Работа мне очень нравилась, ну, и одновременно я училась. При фабрике у нас техникум был по изучению тканей. Войну я встретила на работе. Было очень тревожно. Нас всех пригласили во двор, двор был чистый, большой. Первой выступила председатель фабричного комитета, и вот нам объявили, что началась война. Кто-то плакал, а кто-то и не понимал, что произошло.

После митинга к нам обратились от фабкома: «Дорогие женщины, девушки, записываем добровольцев на фронт, на оборону Ленинграда. Я, правда, не записалась, поскольку жила с бабушкой, всё же я должна была с кем-то посоветоваться. А молодёжи нашей записалось очень много, где они сегодня, что они, я не знаю. После того, как они ушли с фабрики, я ни с кем не встречалась. Когда стали поступать в Ленинград раненые, нас, фабричных девчонок, бросили в помощь госпиталю. Так теперь стала называться больница Мечникова, которая размещалась рядом с фабрикой. Многих врачей и медсестёр из больницы мобилизовали на фронт, вот мы и помогали. Смену отрабатываем и в госпиталь. Первые эшелоны с ранеными стали приходить в Ленинград почти сразу же - на границе шли ожесточенные бои. Нам была поручена разгрузка вагонов с ранеными бойцами, подготовка помещений. Это продолжалось целый месяц. И потом вдруг приходим мы с подругой Раисой на работу, а нас всех собрали и говорят: «Девочки, с сегодняшнего дня вы переходите к нам на постоянную работу, рук не хватает». Ну, на постоянную, так на постоянную: полы помыть, или ещё что там, разгрузить раненых, ну и госпиталь приходилось наш маскировать специальными сетками. Госпиталь был очень большой и на него приходилось натягивать эти сетки. Такой же маскировочной сеткой был затянута Большая Охтинский мост и Смольный, наш центр.

Когда перешли в госпиталь постоянно работать, нас перевели на казённое положение. Домой отпускали очень редко.

К августу 1941, когда немцы стояли у самых ворот Ленинграда, к нам стали не вагоны поступать с ранеными, а поезда. Количество таких эшелонов резко возросло! Поступали в основном в ночное время. Ночью разгружаем. Тех, которые ноги переставляли, в приёмный покой

сопровождали, а тех, которые не ходили, на носилках носили. Вот так ночь поработаешь, наутро надо людей к операции готовить. Август, сентябрь и в октябре ещё неплохо было: ещё у нас работал душ, ещё у нас достаточно было воды, и даже в душе была горячая вода. Мыли раненых, всё кругом обмывали. А были такие, что у них от крови всё нательное белье присохло к телу. Тяжело вспоминать. Итак, каждый день. Ночь разгружаем, день моем, палаты убираем, обеды раздаем. Кормили в первое время раненых очень хорошо. Представьте себе, очень хорошо. Откуда всё это было, я не знаю. Но когда разбомбили, так называемые бадаевские склады, и нам уже в августе не полностью отоваривали хлебные карточки, уже не полностью. А потом всё хуже и хуже. Сначала было 600 граммов хлеба, потом 250, а потом уже съехали и на 125 грамм. Может быть, я выжила и живу сегодня, только за счёт того, что я работала в госпитале.

Раненых нужно было не только лечить. Их нужно было и кормить. В блокадном городе это была самая трудная проблема. Чтобы хоть как-то поддержать и их, и медперсонал, к последним вагонам военно-санитарного поезда иногда прицепляли «ледники» с кусками конины. Откуда они брались на фронте - ясно. Мы смешивали конину с крапивой, благодаря такой фронтовой поддержке и выхаживали раненых.

Были такие, которым ложку с этим борщом с крапивой не запихать в рот, отвечали: «Доченька, я не хочу, я не хочу». А нам было строго наказано, всё что раненые не доедали, (мы так и называли объедки) нести на кухню. Всё это сливали в кастрюли, кипятили, и вот сколько соберется за день, нам давали, когда по тарелочке, а когда и по половинке тарелки этих объедков. Хлеба, конечно, не давали, не было, а вот этот супчик, или щи крапивные как

его называли, нам давали. Ну в то время это было большое подспорье, конечно, большое.

Кормлю я однажды таким супчиком раненого. С ложечки кормлю, так как рученьки и глаза забинтованы. А он не ест! Отказывается. Был он из недавно поступивших, не отошел еще от болезненных госпитальных процедур - вот и аппетита нет. Понесла я несъеденную миску обратно на кухню. У нас с этим было очень строго. Что не доедалось - не выбрасывалось, а переваривалось в котле на следующий день. А навстречу мне начальник отделения: «Ты почему миску обратно несешь? Как так не ест? Да если мы так будем своих раненых кормить, немцы завтра же будут в Ленинграде! Иди обратно! И пока не съест - не возвращайся!»

Как я только своего раненого ни уговаривала! Сама ела вместе с ним: ложку себе - две ему.

Доел он, а потом и говорит: «Доченька, помой мне ноги. Больно чешутся». Он недавно с фронта, все ноги до колен в окопной грязи и саже. Пальцев на ногах не видно. Еле-еле тесемки на кальсонах развязала. Вымыла, переодела в чистое. Сколько таких было, беспомощных и родных солдатиков.

И вот так, начиная с конца июня 1941 и по 23 февраля 1942 года я работала в госпитале.

К тому времени наша девичья бригада уже поднаторела в своем деле, были мы и «стреляными», и видавшими виды». В день разгружали по несколько эшелонов с ранеными.

Жили практически в госпитале - на отдых дома времени не хватало. Под бомбежкой, под артобстрелами. Но мы-то ладно. А вот кому доставалось по-настоящему, так это хирургам! Поток оперируемых был настолько плотен, что они работали не только без выходных, но и без перерывов на обед. Бывало, сестра сунет хирургу в рот под повязку

кусочек сахара, даст чайку пригубить - и он опять к операционному столу.

Но очень скоро и сахара не стало - Ленинград оказался в кольце блокады. Это были для меня самые тяжелые дни войны. Было и голодно, и холодно, и тревожно. Но мы жили бурной жизнью. С думой о будущем своей Родины. И лозунг «Все для фронта, все для победы» был для нас смыслом жизни. А какие самоотверженные люди меня окружали!

Как-то в декабре 41-го разгружали очередной поезд с ранеными, уже и не помнили, какой по счету. Уставшие, голодные, сами еле на ногах стоим. А тут подбегает к нам начальник ВСП (военно-санитарный поезд). Кричит простуженным голосом: «Девочки, родные, побыстрее! Нас ведь на фронте ждут ваши мужья, братья и отцы, От вашей скорости сейчас их жизнь зависит!» Мы старались изо всех сил. И так вплоть до прорыва блокады.

18 января 1942 года по радио раздался тревожный голос Левитана. Его мы боялись больше, чем бомбежки! В самую душу проникал его голос. Да и с начала войны мало мы слышали от него хорошего. А тут: о начале прорыва блокады, об установлении сообщения с «большой землей» через Ладожское озеро.

Мы от радости целовали раненых, друг друга обнимали, становились перед динамиком на колени.

В года по радио мы прослушали обращение Центрального Комитета ВКП (б) к жителям блокадного Ленинграда. Тем, кто еще был в состоянии, и у кого есть возможность, предлагалось временно покинуть город через Ладожскую «дорогу жизни».

23 февраля я чудом оказалась на «большой земле», но до станции Мартисово добралась только 19 марта. Была от голода очень слаба, еле передвигалась. Помногу лежала. А уже 3 апреля мне принесли повестку о призыве в армию. Ни уговоры матери, ни ее ссылки на мою слабость после

блокады, ни больная сестра, ни воюющий на фронте отец-кормилец, ничего в расчет не принималось. Офицер был непреклонен: «Мать-Родину надо защищать...».

Под Андреаполем формировался железнодорожный отряд.

Почти двое суток мы с подругой пешком, добиралась из Мартисова до Андреаполя, где размещался призывной пункт. Пришли к военкомату, народу уже много собралось мальчишек было мало, в основном, девочки. Определили меня в службу движения Октябрьской железной дороги. Подготовительные курсы я проходила в Торопце. Как готовили офицеров в войну, так готовили и работников железнодорожного транспорта. Разделили нас на две группы. Одну группу, те, которые посOLIDней были, готовили для диспетчеров, а я попала в группу дежурных по станции.

Преподавали нам великолукские специалисты, каждый по своей специальности.

По окончании курсов, а экзамен я успешно сдала, они меня оставили работать в аппарате техником-анализатором. После освобождения Великих Лук от немцев в Луки перевели наш аппарат. А я сама стала проситься перевести меня на линию. Я уже столько натерпелась, что никуда не хотела далеко отрываться. И вот меня перевели на 226-й разъезд дежурным по станции или, как он называется, Котово. Это от Торопца 2-й разъезд. На этом разъезде я недолго работала. Начались мои мытарства, меня постоянно перебрасывали с разъезда на разъезд. Начиная от Осташкова и кончая Белорусской железной дорогой нет такого полустанка, где бы мне не пришлось работать. Ночь сменилась, по селектору приказ: «Завтра к 8-ми утра на такой-то разъезд». В Андреаполе работала, на 183-м, 204-м, 210-м тоже. Работала на 224-м, так называемом отстойнике, это когда Торопец не мог принимать литерные и наливные поезда, мы встречали на перегоне и ставили в

этот отстойник. Потом были 226-й, 232-й, 241-й, 251-й разъезды. Когда ветку вели на Старую Торопу, тогда я работала проводником. Все разъезды находились в землянках, так что мы где работали, там и жили. И даже станция Мартисово находилась в землянке. Вокзала не было. В большую гильзу вставляли кусок солдатской шинели, намоченный в керосине, и вот этим мы и освещались. И этим же освещали стрелочные посты. А керосин ездили получать в Осташков, в отделение № 3. Ездить приходилось часто, помногу не давали. Давали строго норму, чтобы мы его не пережгли. И ручной фонарь, с которым мы встречали поезд из такой же солдатской шинели был.

А потом меня уже назначили ответственной дежурной по станции Мартисово. Служба была напряженная. За 12-часовую смену приходилось обеспечивать прохождение, отправку до 24 эшелонов только с ранеными, не говоря о поездах с войсками, оружием, техникой и другими военными грузами. Пока фронт был близко, всегда существовала опасность воздушных налетов.

Овсянникова Мария Фёдоровна

Я хочу рассказать о своей, о нелегкой женской доле.

В 1940 году окончила медицинскую школу в Калининe, где осталась работать медсестрой в больнице. С началом войны, когда появились раненые, стали работать без выходных, по две смены.

В ночь с 13 на 14 ноября 1941 года фашисты заняли город. Всё кругом горело, бомбежки, взрывы! Вместо своего дома увидела одни развалины. Так, из больничной палаты, оказалась на улице без средств, без теплой одежды стала «беженкой».

По промерзлой грязи Новобежецкого тракта шли и шли беженцы. Куда, сами не знали. Лишь бы выдвигаться, не мерзнуть. А над головами проносились немецкие самолеты, поливая толпу людей свинцом из пулеметов. На моих глазах падали люди, умоляли Бога помочь, спасти детей. Я тогда выжила, к счастью или несчастью, не знаю.

У Рамешек повстречались наши передовые части с катюшами, танками и пулемётами, что шли по направлению к городу Белый. Командир колонны приказал беженцам расчистить дорогу от снега перед проходом войск. Мороз в ту пору был крепок, как никогда. А у меня одни чулки да калоши. Хоть и были мы голодные и холодные, а приказ красного командира бросились выполнять с энтузиазмом! А как иначе, ведь у меня на груди был комсомольский билет, который обязывал комсомольцев ко многому. Я до сих пор ношу его как талисман своей военной юности.

Почти до Селижарова мы помогали продвижению наших войск, а не доходя 25 километров до линии фронта, нам приказали оставить колонну и возвращаться обратно. Но куда идти и чем кормиться в зимнем поле? Правда, смерть нас уже не пугала – столько мы её насмотрелись за первые месяцы войны. Со слезами умоляла я в штабе части оставить меня в войсках. Так оказалась я во фронтовом эвакогоспитале. Выполняла любую работу, и медсестрой, и санитаркой, и прачкой была. Бомбили нас немцы нещадно! В одной из таких бомбежек меня и ранили. После операции отправили долечиваться в тыл. Известие о том, что отец погиб на фронте, было, как гром среди ясного неба. Сколько слёз выплакала. Не долечившись, убежала в освобождённое Селижарово, где раньше жила моя мать, узнать, жива ли? Дом у мамы разбомбили, поплакали еще раз над похоронкой отца, но жить-то надо. Стала помогать матери рыть землянку для жилья. Здесь же в Селижарово, обратилась я к военному, подполковнику Приходько, чтобы

отправить меня снова на передовую, в свой эвакогоспиталь. Но тот отказал, говорил, надо срочно готовить оборонные укрепления на случай контрнаступления немцев. Поработаешь, мол, поможешь, тогда и на фронт отправлю.

Мобилизовали из города и ближних деревень комсомольцев, около 200 человек, выдали нам по лопате, одели в трофейные немецкие сапоги 42 размера, дали 400 граммов хлеба и отправили за два километра от Селижарово в деревушку Черная Грязь на окопы. В течение нескольких месяцев с утра до вечера кидали мерзлую землю. Ночевали на соломе в сохранившихся сараях, без мытья, без сменной одежды.

После окончания оборонительных работ я снова в военкомат - обещали же на фронт отправить! И вновь отказ! Теперь новая задача - восстанавливать разрушенный город Селижарово. Рабочих рук не хватает. После краткого инструктажа, вручили мне строительную «печать и штамп», для жилья отвели крохотную комнатенку, дали хлебную карточку на 500 граммов хлеба. И за работу! Работали с 8 утра и до 12 ночи, без выходных. И трудностей той работы описать я не берусь! Помогала нам дума о победе, что и мы приближаем ее своим участием в великом деле! На фронте побывать более так и не удалось...

В ноябре 1945 года наконец-то блеснуло у меня счастье - вышла замуж за майора В. Ф. Овсянникова, с которым познакомилась еще в эвакогоспитале. Долгая переписка, ожидание конца войны, и вот все позади... Но недолги были наши радости! Вскоре уехал муж на 3 года в лесотехнический институт получать гражданскую специальность, а я вновь осталась одна без работы, с грудным ребенком на руках. Время-то тогда было нелегкое, 50-е годы...

В 1970 году снова пришла беда: мужу ампутировали обе ноги выше колен. Мало видно наградила его война ранами, за что отмечен был многими орденами да медалями.

Более 17 лет мы с мужем прожили с этой бедой, не поддавались ей, а шли наперекор безжалостной судьбе. И помогала нам в этом наша любовь! Благодаря ей жили мы тогда и в согласии, и в уважении друг к другу, на добрую зависть окружающим. Встречались, правда, такие люди, что говорили, зачем, мол, живешь с инвалидом? Ты и молода, и красива, сдай его в дом инвалидов... Но разве ж я могла? Разве ж можно отнимать у дорогого человека последнюю надежду на любовь и на домашний уют? До конца пронесла я свой крест, уготованный тяжелой судьбою.

Косенкова Анна

Сохранилась районная газета «Октябрь» от 28 июня 1941 года. В заметке: «Женщины заменяют мужчин» рассказывалось о том, как идет сенокос в колхозе «Красный Октябрь». С волнением читаю я о том, что молодые девушки Нюра Косенкова и Прасковья Михайлова взяли в руки косы и работают наравне со взрослыми.

Нюра Косенкова - это я. Тогда, в сорок первом, мне было 17 лет. Работала я телятницей, заготавливала корма, убирала хлеб и лен, копала землю лопатой. Все мужские работы в ту суровую пору легли на женские плечи. Когда фашисты стали приближаться к Торопцу, мне и моим подругам Рае Федотовой, Рае Волковой, Вале Сидоренковой и другим было дано задание эвакуировать колхозный скот.

Довелось мне быть и на оборонных работах. Очень трудно приходилось в войну нам, девушкам, женщинам, подросткам. Мужчины ушли в армию, колхозных лошадей забрали для нужд фронта. Многие работы приходилось выполнять вручную или на бычках. С наших рук не сходили кровавые мозоли, но зато воины действующей армии

получали от нас хлеб и другие продукты питания. Мы и в тылу ковали победу.

После войны я была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» Такой же награды были удостоены

Р. Волкова, Р. Федотова, М. Алексеева и другие колхозницы. Мы гордимся, что помогали, чем могли, нашим доблестным воинам сражаться с врагом, что мы внесли свой вклад в разгром фашизма.

В труде как в бою

Издание для слабовидящих

Ответственный за выпуск – Л.В. Козлова

Составитель – Е.А. Петрова, О.А. Иванова

Художественное оформление и верстка – А.А. Лапченко

Тираж: 1 экз.

Оригинал-макет

Сектор автоматизированных

Библиотечно-информационных технологий

МУТР «Торопецкая центральная библиотека»

г. Торопец, Тверская обл.,

ул. Советская, д.35а

kniga_tor@mail.ru

www.toropec.tverlib.ru